

М. Рафили

МИРЗА ШАФИ
в мировой
литературе

АЗЕРНЕШР

1958
№ 135

МИКАЭЛЬ РАФИЛИ

МИРЗА ШАФИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*(К вопросу о литературном наследии Мирза Шафи
и плагиате Фридриха Боденштедта)*

Ап-7243

M.F. Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку • 1958

Памяти архитектора
Мовсума Рафили
— друга и брата,
посвящает эту работу
автор.

ЭТО БЫЛО В ГЯНДЖЕ

Жизнь и творчество Мирза Шафи Вазеха полностью укладывается в первую половину XIX века, когда в исторической судьбе Азербайджана произошел крутой перелом и страна, раздираемая глубокими феодальными противоречиями и вечно находящаяся под угрозой поражения со стороны отсталого Ирана и Турции, смело шагнула к России, связав свою дальнейшую судьбу с ее великим народом. Это была интересная эпоха, насыщенная политическими и военными событиями, острой борьбой идей, настроений, литературных направлений, феодального уклада жизни и новых общественных отношений, определивших дальнейшее развитие азербайджанской художественной мысли и культуры.

Безраздельное господство феодально-клерикальных идей в литературе было сломлено, и в культурную жизнь страны упорно врывались новые идеи, живые творческие мысли, начиналась страстная борьба за просвещение народных масс, за новые методы обучения, открывались школы, делались попытки создать национальный театр, печать на родном языке, прививались новые художественные вкусы, создавался новый стиль, новое литературное направление. Передовая литература этой эпохи развивалась под флагом борьбы за реалистическое искусство.

Одним из ярких представителей азербайджанского реализма первой половины XIX века и был Мирза Шафи Вазех, широко известный в мировой литературе по шумевшим переводам Фридриха Боденштедта.

История литературного наследия Мирза Шафи стала одним из самых интересных и волнующих эпизодов мировой поэзии XIX века.

Большое поэтическое дарование, философское отношение к действительности, реалистическое мироощущение, остроумие, трезвость мысли, глубокий лиризм, политическая ирония, — таковы отличительные черты азербайджанского поэта 30—40-х годов — Мирза Шафи, если судить о нем по сохранившимся произведениям, материалам о его жизни, отзывам современников и по переводам Фр. Боленштедта.

16 ноября 1852 года Мирза Шафи уже не было в живых¹. А книга «Die Lieder des Mirza Schaffy», создавшая ему славу, вышла в немецком издании в 1851 году.

Дата рождения Мирза Шафи научно еще не выяснена. Если верить формулярному списку, обнаруженному в Тифлисском архиве И. К. Ениколоповым, Мирза Шафи родился в 1804 году². По утверждению видного исследователя творчества Мирза Шафи литературоведа Сеидзаде Али Аждара, знаменитый поэт родился не в 1804 году, а в 1792 году³. Конечно, очень трудно верить формулярному списку, который был составлен не ранее 40-х годов, и, очевидно, дата рождения там обозначена только по памяти. Но вместе с тем, нам неизвестно, на каких материалах обосновывает дату «1792» А. А. Сеидзаде. Для нас этот вопрос пока остается открытым.

Гораздо яснее нам рисуется жизнь этого замечательного азербайджанского поэта с мировым именем. Воспоминания и исследования современников дают прекрасный материал для характеристики Мирза Шафи, как мыслителя и человека. Адольф Берже, проживавшему в 50-х годах в Тифлисе, после смерти Мирза Шафи удалось раздобыть большое количество сведений о поэте, что уже несомненно говорит о широкой популярности Мирза Шафи и этим самым опровергает замечания са-

¹ Акты Кавказской археологической комиссии, т. 10, стр. 832.
² И. К. Ениколопов. Мирза Шафи — забытый поэт Азербайджана. «На рубеже Востока», 1934, № 18. Ениколопов в книге «Поэт Мирза Шафи» указывает на другую дату: 1805 год. См.: Поэт Мирза Шафи, Баку, 1938, стр. 10.

³ А. А. Сеидзаде. «Мирза Шафи Вазех», Гянджа, 1929 г., стр. 5.

мого Берже и отдельных немецких путешественников¹ о том, что в Тифлисе никто не знал о Мирза Шафи.

«Вряд ли в истории литературы какого-либо другого народа может произойти случай, подобный тому, который произошел с той личностью, о которой будет говориться в настоящей статье»², — так начинает свою публикацию Адольф Берже, якобы намеревавшийся расшеять мрак, образовавшийся в немецкой литературе вокруг имени азербайджанского поэта.

Во дворце гянджинского хана Джавад-хана Зияд оглы, одного из последних ханов Азербайджана, еще в начале XIX столетия жил Кербалай Садык, известный всей Гяндже как ханский зодчий.

Зодчий Кербалай Садык, оставшийся без средств к существованию после гибели гянджинского хана в 1804 году, имел двух сыновей: Абдул-Али, который был подмастерьем у каменотеса, и Шафи, помещенного отцом в Гянджинское медресе³ (для изучения арабского и фарсидского языков)⁴.

Арабскому языку юный Шафи обучался с меньшим успехом, чем фарсидскому. Уже тут мы наблюдаем склонность Шафи к изучению литературы, ибо в те годы иранская поэзия была довольно широко распространена в Азербайджане, тогда как на арабском языке писались только священные и исторические труды.

Отец будущего поэта, Кербалай Садык, набожный и благочестивый человек, готовил своего сына к духовному званию и надеялся увидеть в его лице известного моллу, но его горячие надежды не сбылись. Шафи еще находился в медресе, когда внезапно скончался его отец. Шафи и его брат остались сиротами.

К этому времени из Тавриза вернулся на родину известный Гаджи Абдулла, «человек замечательного ума

¹ Heinrich Brugsch. Reise der königlich preussischen Gesandtschaft nach Persien, 1860 und 1861, Band 1, Leipzig, 1862, 1863.

² Adolph Bergé. Mirza Schaffy. «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», B. 24, 1870, стр. 425.

³ При гянджинской мечети шаха Аббаса еще в те времена находилась большая мусульманская школа «медресе». Нам думается, что здесь речь идет именно об этой школе.

⁴ Adolph Bergé, там же.

и высокой нравственности».¹ Это была очень любопытная и яркая личность, с передовыми взглядами на жизнь и религию. Впоследствии он оказал большое влияние на развитие и самосознание сына ханского зодчего.

Гаджи Абдулла родился в Гяндже. С юных лет он занимался торговлей. Наконец, он переехал в Тавриз, где и нажил себе огромное состояние. Проживая в Иране, Гаджи Абдулла, как каждый правоверный мусульманин, считал своей обязанностью совершить паломничество в святые места мусульман. По возвращении из Мекки странствующий купец поселился в Багдаде. Пребывание в Багдаде совершенно изменило его жизнь, его взгляды, его отношение к религии. Огромное значение имели в этом переломе в сознании Гаджи Абдуллы встречи с неким дервишем по имени Сеид Саттар. По существу, как рассказывали Адольфу Берге, Сеид Саттар был дервишем только по имени. На самом же деле это был путешественник, объездивший почти все страны Восходящего Солнца, одинокий, неизмущенный и бездомный мыслитель-суфий. Он обладал серьезными знаниями и твердо придерживался своих философских идей, во многом напоминающих позднейший иранский бабизм, возникший как религиозно-социальное течение в 40-х годах XIX столетия. Сеид Саттар был очень красноречивым, резким и прямым в своих взглядах, бескорыстным и честным человеком. Все эти отличительные качества Сеид Саттара сначала изумили, а потом привлекли внимание любознательного Гаджи Абдуллы. Они стали часто встречаться, вести между собою долгие и волнующие философские споры о смысле жизни, религии, о сущности бога и характере духовенства. Беседы с Сеид Саттаром, его блестящие доводы, страстная вера в свои идеи толкнули Гаджи Абдулла в сторону критицизма и отрицательного отношения к действительности. Когда, наконец, Гаджи Абдулла стал готовиться к отъезду на родину в Северный Азербайджан, гянджинский купец предложил своему бездомному и материально совершенно необеспеченному другу богатый подарок, от которого Сеид Саттар все же отказался. Изумленный таким

бескорытием, Гаджи Абдулла спросил своего друга, чем он может отблагодарить за то великое удовольствие и большие познания, которые он получил от его бесед и речей. Сеид Саттар ответил, что награда может быть только одна: дать ему честное слово, что с этого дня Гаджи Абдулла полностью примкнет к его мировоззрению, изменив в корне весь свой старый образ мышления.

Гаджи Абдулла дал слово и честно его сдержал. Не прошло и нескольких недель после этого замечательного знакомства, как он совершенно преобразился: исчезли его прежний фанатизм, его глубокая вера в святость духовенства, в догматы мусульманской религии. Он вернулся в Гянджу с совершенно другими убеждениями, с большой и редкой для того времени образованностью. Фанатики и моллы встретили его презрительно сурово. Частые диспуты с моллами и ахундами на религиозные темы, его открытая борьба с предрассудками и суеверием, разоблачение косности и несостоятельности многих религиозных догматов создали о нем «дурную» славу еретика, и моллы ожесточились против него и его проповедей. Таким образом, он нажил себе множество врагов и противников, особенно среди местного духовенства.

Шафи в это время еще учился в медресе, в темных и душных стенах которого он провел все свое детство и юность. Но едва ли у юного Шафи была склонность к духовному званию, к тому же он очень рано познал как цену религии, так и шарлатанство молл. Шафи увлекается суфизмом и пантеистической философией Востока, изучает в уединении поэзию Хайяма, Саади, Фирдовси, творчество великого азербайджанского поэта Физули, автора романтической поэмы «Лейли ве Меджнун», усердно сидит над старинными рукописными трудами восточных ученых.

Выступления Гаджи Абдуллы привлекли внимание Шафи и отрыли ему глаза на истинное положение вещей. Он был глубоко увлечен учением Гаджи Абдуллы и, не обращая внимания на своих соотечественников, открыто примкнул к немногочисленным сторонникам гянджинского ученого. Гаджи Абдулла, в свою очередь, взял его под свое покровительство, всячески помогая

¹ Adolph Bergè. 'Mirza Schaffy, "Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft", B. 24, 1870, стр. 425.

ему продолжать свое образование. Но вскоре гянджинские моллы заметили симпатию Шафи к их врагу и перемену в его взглядах. Это явилось причиной их категорического отказа от дальнейшего обучения юного поэта. Таким образом, второй раз несчастье постигло Шафи, и он вынужден был окончательно покинуть медресе.

В это время случилось так, что Пусте-ханум, дочь погибшего Джавад-хана, искала для управления своим домом и двумя маленькими деревнями грамотного человека, который одновременно мог бы вести и всю ее переписку. Дом Пусте-ханум находился вблизи дома Гаджи Абдуллы. Они были знакомы и вполне естественно, что она обратилась к Гаджи Абдулле с просьбой найти ей способного управителя. Гаджи Абдулла горячо рекомендовал ей Шафи, как вполне честного и порядочного человека, не только прекрасно знающего фарсидский язык, но и обладающего изящным почерком. Пусте-ханум согласилась, и вскоре Шафи приступил к исполнению своих служебных обязанностей. С тех пор он стал называться уже не просто по имени, а с прибавлением почетного звания — Мирза Шафи.

В 1826 году, в момент разрыва между Ираном и Россией, в Азербайджане произошло восстание, которое было использовано азербайджанскими феодалами в своих классовых интересах. Иран, воспользовавшись этим движением, направил армию на север Азербайджана. Вскоре иранская армия взяла Гянджу и в течение трех месяцев владела ею. Но после шамхорского поражения она отступила, и восстание было подавлено. Угурлу-хан, старший сын Джавад-хана, находившийся в армии, при отступлении успел забрать с собой в Иран свою сестру Пусте-ханум. Таким образом, Мирза Шафи опять попал в бедственное положение. Оставшись без средств к существованию, он стал ежедневно посещать гянджинскую мечеть, где в одной из темных и сырых келий переписывал мусульманские духовные книги, чтобы заработать себе немного денег. При некоторой помощи, получаемой от Гаджи Абдуллы, Мирза Шафи вел самый скромный образ жизни.

Вскоре, в 1831 году, умер и его единственный покровитель Гаджи Абдулла. Завещанные Гаджи Абдуллой несколько сот рублей дали возможность Мирза Шафи

только оплатить свои долги, но все же мало улучшили его бедственное положение. К этому времени относится начало расцвета поэтического творчества Мирза Шафи Вазеха.

Уже к началу 30-х годов Мирза Шафи выдвигается как крупный азербайджанский ученый и поэт. К этому же времени (1832—33 гг.) относится его знаменитая встреча с юным Мирза Фатали Ахундовым, сыгравшая в жизни этого великого азербайджанского писателя и мыслителя благодарную роль.¹ Уже тогда Мирза Шафи славился своими «безбожными» и деистическими стихами (у некоторых ранних идеологов французской революционной буржуазии, по словам Маркса, деизм в практике являлся «не более, как удобной и мягкой формой разрыва с религией»). Хорошо знакомый с основами мусульманского богословия и пантеистической философией Востока, он явился одним из активных борцов против средневековых догматов ислама. В борьбе с лицемерием и ханжеством молл Мирза Шафи в 30—40-е годы принадлежит основная роль. Он выступает с критикой духовенства, богословия, разоблачает в своих стихах предрассудки и фанатизм, бичуя окружающую социальную действительность остроумными и высокохудожественными стихами. Не случайно Мирза Шафи подвергался тяжелым гонениям и преследованиям со стороны духовенства. Его стихи встречались бранью и насмешкой, и несмотря на это все же имели большой успех у народа.

Преследования Мирза Шафи иногда доходили до полной его изоляции от общества. Ахунд Молла Гусейн Пишнамаз объявил его «кяфиром» — «вероотступником»². Очевидно, к этому первому периоду поэтического творчества Мирза Шафи относится следующее стихотворение, переведенное на немецкий язык Боденштедом, начинающееся словами „Als ich schönheit“:

Als ich Schönheit, Lieb und Wein besungen,
Ist mir tausendstimmig Lob erklingen.

¹ См. об этом наши работы: Мирза Фатали Ахундов, Баку, 1939; М. Ф. Ахундов, Жизнь и творчество, Баку, Азербейр, 1957.

² А. А. Сеидзаде (Заки), Мирза Шафи Вазех (Жизнь и творчество), Гянджа, 1929, стр. 6.

Als ich Schönheit, Lieb und Wein genossen,
Mir mein Erdendasein zu verschönern:
Hat es plötzlich alle Welt verdrossen,
Hörte ich mich schmähen und verhöhnen.

O Mirza Schaffy! Du Sohn Abdullahs,
Ueberlass die Heuchelei den Mullahs!
Folg im Lieben und im Trinken immer
Schöner Augen, voller Gläser Schimmer!

Уже в этом небольшом стихотворении можно выявить отдельные биографические данные о Мирза Шафи. Тут мы имеем определенные выпады против ханжества и лицемерия молл, отзвуки тех тяжелых насмешек и гонений, которым подвергался поэт в эти годы своей жизни. Сам Фр. Боденштедт, уже в 1874 году, выступая со своими воспоминаниями о Мирза Шафи, в статье, датированной 17 августа 1873 года,² указывает на эту тяжелую полосу жизни азербайджанского лирика и сатирика первой половины XIX века. «Заботы и несчастья встречались ему во многих видах и оставили свой отпечаток на его высоком челе, но не согнули его».³ Преследуемый жизненными тяготами и нападками духовенства, Мирза Шафи, одинокий и отверженный поэт, находил выход в восхвалении прелестей вина и возлюбленной в

¹ Die Lieder des Mirza Schaffy, B., 1863, стр. 140.

Русский перевод:

Как красу, любовь, вино я пел,
Стоголоσύ гул хвалу гремел.

Как красу, любовь, вино вкусил,
Чтоб земною жизнью наслаждаться:
То в минуту всем я досадил,
Стали все бранить и насмехаться.

* * *

О Мирза Шафи, ты сын Абдуллы,
Пусть ханжат и лицемерят моллы!
Следуй ты в любви, в питье желанью
Милых глаз и полных чаш сиянью!

(Перевод Н. И. Эйферта)

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, B., 1875.

³ Там же, стр. 200.

стихах, нередко носивших мистический характер, отчасти идущий от Хафиза и Хайяма, а также от Физули — величайшего азербайджанского поэта XVI века. Это было художественной формой выражения оппозиционных настроений, направленных против средневековой догматики, схоластики и феодализма. «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье, — писал Ф. Энгельс в «Хрестиянской войне в Германии». — В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».¹ Азербайджан в 30-х годах во многом был страной отсталых патриархально-феодальных отношений, а творения Мирза Шафи были одним из первых отголосков медленно протекавших процессов разложения азербайджанского феодализма. Подвергая осмеянию авторитеты, установленные церковью, поэт отражал пробуждение оппозиционных масс, выражал настроения широких общественных слоев, начинавших сознавать тяжесть не только колониального, но и феодального и религиозного гнета.

«Религиозное облачение»² этой борьбы и сочетание ее с восхвалением Бахуса было характерно для многих стихов Мирза Шафи этого периода. Подобно средневековым «вагантам» Запада (XI—XIV вв.), прославлявшим «труды, которые налагает Венера» — любовь, жизнь и вино, земную радость и человеческую страсть, Мирза Шафи наслаждался «напитком для мудрецов» и твердил: «И милую обаяв, мы жадно пьем любовь, блаженные в блаженстве — умереть готов! Аминь!» (Из стихотворения „Mein Lehrer ist Hafis, mein Bethhaus st die Schenke“).³ Также подобно «вагантам», которым «предназначено умереть в трактире», Мирза Шафи в форме восточной лирической и дидактической поэзии выступал с сатирой против духовенства и феодалов. Конечно, поэт других времен — Мирза Шафи во многом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 128—129.

² Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, Соч., т. XV.

³ См. перевод Н. И. Эйферта, „Сборник песен и романсов Мирза Шафи“. М., 1907, стр. 44.

отличался от вагантов. Его выступления против ханж и молл носили гораздо более серьезный и глубокий характер.

Мирза Шафи был непримиримым врагом духовенства. И в этом он многим был обязан своему «идейному» отцу и покровителю Гаджи Абдулле. В цитированном уже выше стихотворении («Als die Schönheit») поэт открыто называет себя «сыном Абдуллы».

Боденштедт, переведший это стихотворение одним из первых среди творений Мирза Шафи, конечно, не мог знать ничего об этой тесной связи своего учителя с Гаджи Абдуллой. Еще в 1874 году, Боденштедт писал о том, что ему «никогда не приходило в голову спросить о его биографии»¹, и об истории жизни Мирза Шафи он узнал только по опубликованной в 1870 году статье Адольфа Берге.² Но даже после этого, Боденштедт, осмелившись на присвоение себе авторства стихов азербайджанского поэта, не решился изменить эту строку (отца поэта звали Кербалай-Садых), очевидно, полагая, что это также является доказательством того, что стихи принадлежат не Мирза Шафи, а ему самому.

Эта оплошность Боденштедта, в которой едва ли можно видеть какую-либо мистификацию (о связи Мирза Шафи с Гаджи Абдуллой Боденштедт узнал только в 1870 году), несомненно, подтверждает полную принадлежность Мирза Шафи этого стихотворения, связанного с его биографией, с его выступлениями против гянджинских мракобесов и символизирующего связь поэта с Гаджи Абдуллой.

Мирза Шафи еще долгое время проживал в Гяндже, занимаясь главным образом перепискою разных книг. Но уже в 20-х годах, когда в Иране было введено печатное дело, Мирза Шафи еще некоторое время снабжал тавризские литографии каллиграфически написанными рукописями.³ Вскоре и это перестало приносить поэту существенную пользу, и он опять стал испытывать большую нужду и материальные лишения. Мирза Фатали

¹ Aus dem Nachlasse... 1875, стр. 220.

² Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. 24, 1870, стр. 428.

³ Там же.

Ахундов, узнав о бедствиях своего друга, хотел устроить Мирза Шафи в Тифлисе. Благодаря его стараниям, наконец Мирза Шафи удалось вырваться из «гянджинского плена» и хотя не так скоро, но уже к ноябрю 1840 года получить место учителя в Тифлисском уездном училище¹. Это место до него занимал М. Ф. Ахундов (с 8 декабря 1836 года по 6 мая 1840 г.)², рекомендовавший смотрителю этого училища, известному армянскому писателю Хачатуру Абовяну на эту должность поэта Мирза Шафи³.

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

В Тифлисе началась новая полоса жизни и деятельности Мирза Шафи. Измученный тяжелыми условиями жизни в родном городе, наученный горьким опытом, поэт пытался отчасти ограничить свои желания и протесты, вести, по возможности, самый скромный и спокойный образ жизни. «По его выразительному лицу можно было видеть, что его спокойствие не было следствием бесстрастной природы, — пишет Боденштедт об этих тифлисских годах Мирза Шафи Вазеха, — но было результатом тяжелой и все же преодоленной внутренней борьбы... После гибели всех юношеских планов его стремление было направлено на приобретение независимости, и так как он не мог ее купить жизненными благами, то пытался завоевать ее самоотречением»⁴.

Но и эти годы не прошли без тревог и волнений. В Гяндже знаменитый поэт пережил свою первую любовь (к Зулейхе)⁵, а здесь, в Тифлисе, вторую любовь к Гяфизе. В опубликованной Салман Мумтазом в 1926 году «Джунге» (рукописи) поэта Мирза Мехти Наджи имеются краткие сведения об этой последней любви Мирза

¹ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. 24, 1870, стр. 428.

² Институт литературы им. Низами. Рукописный фонд, архив М. Ф. Ахундова, № 1264.

³ Подробно об этом: И. К. Ениколопов. Поэт Мирза Шафи, Баку, 1938.

⁴ Aus dem Nachlasse... 1875, стр. 199—200.

⁵ Fr. Bodens t e d t. Gesammelte Schriften, B. I, 1865; B. II.

Шафи¹, которая более подробно описана Фридрихом Боденштедтом со слов самого поэта.²

В Тифлисе Мирза Шафи еще более сблизился с М. Ф. Ахундовым, а также с Аббас-Кули Ага Бакихановым, постоянным посетителем его «дивана мудрости», с Х. Абовяном и, наконец, с Боденштедтом, который впоследствии невольно сыграл такую большую роль в популяризации песен поэта.

Фридрих Боденштедт родился 28 апреля 1819 года в бывшем Ганноверском королевстве. В молодости он намерен был заниматься коммерческими делами, но вскоре отказавшись от этой мысли, стал усиленно заниматься своим образованием, намереваясь отдалиться всецело литературе и изучению языков, стал посещать университеты в Геттингене, Мюнхене и Берлине.

В декабре 1841 г. Боденштедт принял предложение находившегося за границей князя Михаила Голицына поступить наставником к его детям. «С этим семейством г. Боденштедт прибыл в Россию и провел почти три года в самом ее сердце, в Москве, где и жил в семье богача кн. Михаила Голицына,³ в доме Олсуфьева, на Тверской».⁴

Молодой учитель, ознакомившись с русским языком, увлекается произведениями А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и делает первые свои переводческие опыты.

«...Все мое время днем было поглощено занятиями с моими воспитанниками и надзором за ними, — пишет Фр. Боденштедт в своих воспоминаниях, — и только по вечерам, когда они засыпали, я начинал работать для себя, причем на первом плане стояло изучение русского языка. Ознакомившись до некоторой степени с грамматикой, я принялся тотчас за перевод стихотворений, что для меня было наиболее удобным закрепить в моей памяти приобретенный запас русских слов».⁵

¹ Мирза Шафи Вазех, Баку, 1926, стр. 23.

² F. r. B o d e n s t e d t. Tausend und ein Tag im Orient, В, 1860, стр. 280 и последующие.

³ У Ениколопова: Н. Голицын.

⁴ М. И. Семевский. Фридрих Боденштедт, «Русская старина», 1887, стр. 410; см. также: «Поэт и проф. Фридрих Боденштедт», 1887, СПб.

⁵ Фридрих Боденштедт. Воспоминания, «Русская старина», 1887, том 51, стр. 123.

В 1844 году Боденштедт, по приглашению Главноуправляющего Закавказским краем генерала А. И. Нейдгарда, отправился в Тифлис в качестве наблюдателя и преподавателя иностранных языков.

В Тифлисе Боденштедт жил у Раевского и в свободное от занятий время «изучал преимущественно восточные языки».¹

В январе 1845 г. Боденштедт обращается к директору Закавказских училищ Ивану Григорьевичу Кулжинскому с прошением о своем освобождении от преподавательской работы. «По встретившимся обстоятельствам я не могу более преподавать французский язык по вверенной Вам гимназии и потому покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие исходатайствовать мною (описка?) увольнение от занимаемой мною должности и снабдить меня установленным при увольнении свидетельством».²

Получив разрешение, Боденштедт всецело посвящает себя литературным переводам, собирает украинские песни, занимается с Мирза Шафи азербайджанским и фарсидским языками. Боденштедт переводит образцы украинской народной поэзии и в 1845 г. выпускает в Штутгарте сборник: «Поэтическая Украина»³ (Боденштедт заимствовал эти песни у И. В. Росковщенко, Максимова, Афанасьева-Чужбинского и др.).

В то же время с целью знакомства с жизнью и бытом народов Закавказья, Боденштедт предпринимает поездки в Армению, в Ахалцых и другие места Закавказья.

В 1846 году Боденштедт покидает Тифлис по Черному морю, через Крым, Одессу и Стамбул возвращается в Германию, в Мюнхен, отсюда в 1847 г. совершает путешествие в Италию. В 1848 году он находился в Вене, в горниле революционного восстания. В 1849 году Боденштедт участвует в Конгрессе мира в Париже (председателем Конгресса был великий французский писатель Виктор Гюго). С 1848 г. он поселяется в Германии, печатается в газетах и журналах. Наряду с этим, он пер-

¹ Фридрих Боденштедт. Воспоминания, «Русская старина» 1887, т. 51, стр. 440.

² См.: И. К. Ениколопов. Поэт Мирза Шафи, 1938, стр. 102.

³ Die poetische Ukraine, Stuttgart, 1845.

вые годы продолжал заниматься изучением восточных языков, а потому имел возможность вновь заняться русскими поэтами лишь в начале 50-х годов.¹

В Германии Боденштедт, не выделяясь особенным поэтическим талантом и не добившись успеха как поэт, выступил в печати с целым рядом своих переводов и статей о Кавказе и быстро приобрел популярность. Одно за другим выходят: «Die Völker des Kaukasus» (1848), «Tausend und ein Tag im Orient» (1850), «Michael Lermontow's poetischer Nachlass» (1852) и в 1854—55 годах три тома переводов избранных произведений А. С. Пушкина.

С 1854 года Боденштедт, по приглашению короля Баварского Максимилиана II, в течение двенадцати лет (1854—1866) преподавал в университете историю литературы славянских народов и древнюю английскую литературу.

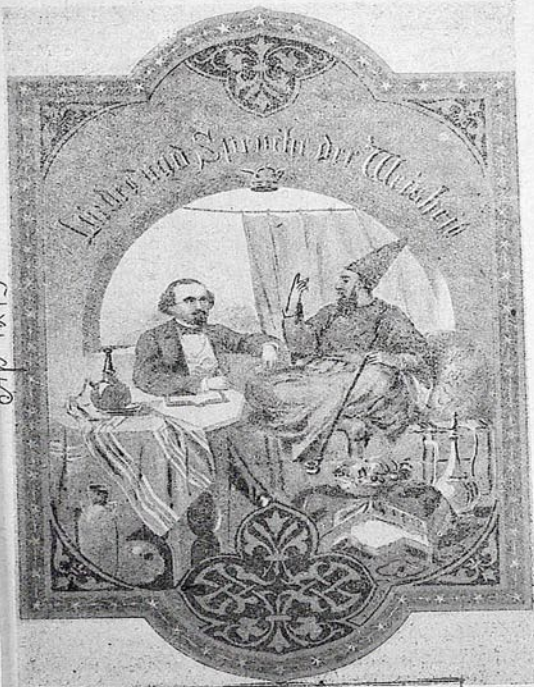
Боденштедт продолжал популяризировать среди немецких читателей произведения русской литературы. В 1861 году он познакомился с И. С. Тургеневым и между ними завязалась переписка.² Его интерес к русской литературе сохранился вплоть до самой его смерти (апрель 1892 года).

Популярности Боденштедта в России и Западной Европе, главным образом, способствовала книга «1001 день на Востоке», в которой Боденштедт рассказывает о своем путешествии в Тифлис и по Закавказью, о знакомстве с Мирза Шафи, Бакихановым, Абовяном и т. д. Много страниц отводит Боденштедт своим встречам и беседам с «гянджинским мудрецом» Мирза Шафи.

Поводом к их сближению и знакомству послужило желание Боденштедта изучить местные языки. «Я был в то время единственным немцем в Тифлисе, — пишет Боденштедт в своих «Воспоминаниях», — который изучал восточный язык, и я начал с татарского (азербайджанского — М. Р.), потому что он являлся самым важным языком в сношениях с многочисленными наро-

¹ Воспоминания Фр. Боденштедта. «Русская старина», 1887 том 54, стр. 440.

² См.: И. С. Тургенев в его письмах к Фр. Боденштедту, «Русская старина», 1887, том 54, стр. 442—446.

Фр. + Ш

M. F. Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

дами Кавказа. С ним можно было быть понятым везде, где русский язык был недостаточен»¹.

Когда Боденштедт впервые познакомился с Мирзой Шафи, «тот жил уже давно в Тифлисе и как учитель имел общение с русскими»². Мирза Шафи в Тифлисе также терпел материальные лишения³ и, естественно, будучи хорошим преподавателем, имел частные уроки, которые давали ему средства к существованию. Преподавательской деятельностью Мирза Шафи стал заниматься еще в Гяндже. В формулярном списке поэта указывается, что до переезда в Тифлис он «занимался частным преподаванием арабского и персидского языков в г. Елизаветполе»⁴.

«Ничего не было бросающегося в глаза в его одежде и обращении, что могло бы отличить его от других ученых его народа»⁵, — вспоминает Боденштедт о своей первой встрече с Мирзой Шафи. Как учитель, — замечает далее Боденштедт, — Мирза Шафи, якобы, ничем не выделялся. Тем не менее, как бы противореча само себе, Боденштедт из многих тифлиских преподавателей выбрал именно Мирзу Шафи для занятий по азербайджанскому языку. «Из рекомендованных мне больше всего понравился Мирза Шафи, благодаря своей стройной внешности и кроткой серьезности существа», — пишет Боденштедт.⁶

Вскоре Мирза Шафи совершенно сблизился с Фр. Боденштедтом. Он учил его не только азербайджанскому и фарсидскому языкам. Часто в своих философских и поэтических беседах Мирза Шафи читал Боденштедту стихи Фирдовси, Хайяма, Саади, Физули. Будучи популярным поэтом, из-за отсутствия печати не имея возможности публиковать свои изящные лирические сти-

¹ Erinnerung an aus meinem Leben. Zweite Aufl., B., 1880, стр. 290.

² Aus dem Nachlasse... B., 1875, стр. 199.

³ И. Ениколопов. Мирза Шафи — забытый поэт Азербайджана. «На рубеже Востока», Тифлис, № 18, 1934. В рубрике формулярного списка «ест ли за ним, за родителями или за женой недвизимость», отмечено: «родителей и у самого нет».

⁴ Там же.

⁵ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, B., 1875, стр. 199.

⁶ Там же, стр. 198—199.

хотворения, Мирза Шафи читал их своим знакомым и благодаря этому его стихи были достаточно популярны в народе. Таким же образом, в часы уединения и дружеской беседы Мирза Шафи диктовал молодому немецкому лингвисту свои произведения. «Однажды на уроке на дому у Мирзы Шафи он велел принести трубку и каламдаи. — Пиши, — сказал Мирза Шафи, — я буду петь! И он спел мне много чудесных песен»¹ — рассказывает Боденштедт.

Боденштедт внимательно записывал песни Мирзы Шафи. Эти песни (так он сам говорит в воспоминаниях об изучении им восточных языков) служили ему прекраснейшим материалом для обогащения своей памяти азербайджанским и фарсидским лексиконом.

«Уроки происходили три раза в неделю, — пишет Боденштедт, — и на нем присутствовали также другие ученики Мирзы Шафи. Потом начинался «диван», и Мирза Шафи, взяв слово, пел, объясняя нам свою песню.

Большая часть этих песен возникла как бы на моих глазах».

Мирза Шафи часто импровизировал. «Я не помню, чтобы он приносил на уроки языка какую-либо книгу, — вспоминает Боденштедт, — он пел, диктовал, доказывал и цитировал всегда на память, и его так богато и счастливо одаренная память никогда его не оставляла»². И все бережливо и любезно собирал его «друг» и ученик Боденштедт.

В одной из глав своей книги Боденштедт рассказывает о том, каким образом он, возвращаясь из путешествия в Эривань, привез своему учителю «несколько небольших подарков». Мирза Шафи, следуя восточному этикету, подарил Боденштедту тетрадь своих стихов, озаглавленную им «Ключ мудрости». «Эта тетрадь, — пишет Боденштедт, — содержала в себе все мирозерцание нашего учителя».

Таким путем, часто встречаясь с Мирзой Шафи, Боденштедт получал много знаний о восточной поэзии, записывал стихи Мирзы Шафи, ряда азербайджанских и иранских поэтов. Их беседы превращались в поэтиче-

¹ Tausend und ein Tag im Orient, B., 1850.

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, 1875, стр. 201.

ские вечера, где участвовали и «другие ученики Мирза Шафи». Обаяние стихов этого знаменитого поэта оставило глубокий след в сознании Боденштедта.

ПОХИЩЕНИЕ СЛАВЫ

Когда в 1850 году Боденштедт издал свою книгу «1001 день на Востоке», он напечатал там огромное количество переводов песен Мирза Шафи. Детально рассказывая о процессе создания этих песен, как они записывались, какое на него производили впечатление и т. д., Боденштедт и не думал заявлять, как это он сделал через 22 года после смерти Мирза Шафи, что автором этих «Песен» является он сам. Наоборот, детальный рассказ о встречах с Мирза Шафи, о его жизни, песнях и изречениях настолько реален и прост, что даже одно это может убедить непредубежденного читателя в авторстве Мирза Шафи.

Боденштедт добросовестно, может быть с некоторыми редакционными изменениями, перевел стихи Мирза Шафи и записанные им через него, Бакиханова и Абовяна стихи других азербайджанских и иранских поэтов. Он издал их, указывая авторство каждого поэта.¹

Таким образом, произведения одного из блестящих азербайджанских поэтов XIX века, благодаря тифлисскому знакомому, были изданы на немецком языке.

Вопреки ожиданиям Боденштедта, книга имела успех. Тогда Боденштедт по предложению своего издателя решил напечатать «Песни Мирза Шафи» отдельным сборником без своих пространных комментариев и выпустил его в 1851 году.²

Успех «Песен Мирза Шафи» был исключительный и превзошел всякие ожидания. «Песни» молниеносно облетели всю страну, создав автору и переводчику имя и славу.

¹ См.: Der Sänger von Schiras, B., 1877; Die Lieder und Sprüche des Omar Chajjam, Breslau, 1881; Ausgewählte Dichtungen, Berlin, 1864; Стихи Аббаса Кули Бакиханова, Кешини оглы и др.

² Die Lieder des Mirza Schaffy mit einem Prolog von Friedrich Bodenstedt, B., 1851.

Иллюстрация к немецкому изданию „Die Lieder des Mirza Schaffy“.
Мирза Шафи и Мирза Юсуф.

Интерес читателей и увлечение «Песнями Мирза Шафи» были настолько велики, что в одной Германии в течение 26 лет (с 1851 по 1877) книга выдержала пятьдесят немецких изданий. Нередко приходилось в течение одного и того же года выпускать по несколько изданий «Песен Мирза Шафи».

В 1867 году берлинское издательство вынуждено было выпустить три издания (18, 19 и 20). В 1868 году потребовалось 6 изданий, в 1871 году — 7, в 1876 году — 12 изданий.¹

Еще долгое время «Песни» пользовались успехом. В 1885 году вышло 120-е издание, в 1890 году — 136-е издание, в 1893 году — 145-е издание.

В начале XX века — 160-е, в 1917 году — 164-е², а в 1924 году — 170-е издание³. Редко на долю какого произведения выпадал такой ошеломляющий успех.

Лучшие поэты-переводчики в различных странах посвятили себя переводу «Песен Мирза Шафи».

Бурный успех «Песен» вызвал огромный интерес к поэзии Мирза Шафи. Итальянский писатель Джузеппе Росси в 1884 году перевел эти «Песни» на свой родной язык.⁴ Вскоре «Песни» вышли на французском, английском, шведском, голландском,⁵ датском, испанском, португальском, русском, чешском, венгерском, еврейском⁶ и других языках.

¹ Ein Dichterleben in seinen Briefen. Herausgegeben von Gustav Schenck, 1893, стр. 243.

² А не 264-е, как об этом неверно сообщает «Литературная Энциклопедия» (том 1, стр. 749). Эта же неправильная цифра была перенесена И. Епиколоповым в его работу о Мирза Шафи.

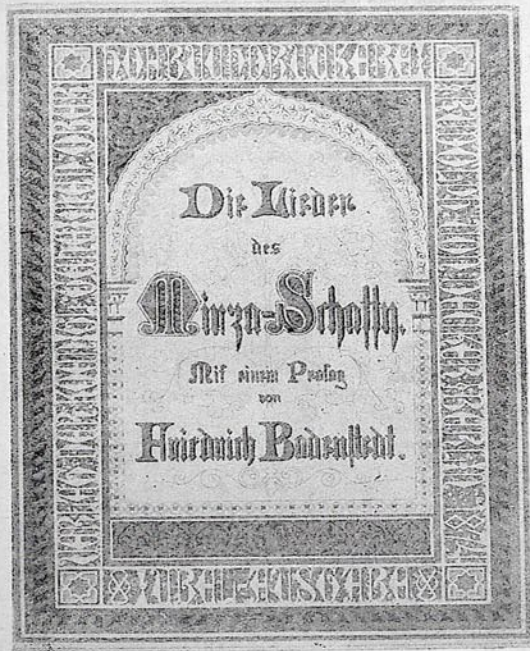
³ С книгой Зундермейера нам удалось познакомиться в 1935 году в Ленинграде, в библиотеке Академии наук СССР. На нее делает ссылку А. А. Сендаде («Литературный Азербайджан», № 9—10, 1936), хотя по искаженному заглавию; неправильно указаны даты и место издания (Берлин-Лейпциг).

В начале 1936 г. нами был прочитан научный доклад о Мирза Шафи в Институте языка и литературы АЗФАНА, где дана критика «измышлений» Зундермейера.

⁴ См.: Ein Dichterleben in seinen Briefen, В., 1893, стр. 162.

⁵ Там же, стр. 188.

⁶ Otto Neumann Hober. Fr. Bodenstedt. «Das Magazin für Literatur», Berlin, 1892, № 18, стр. 281.

Титульная страница «Die Lieder des Mirza Schaffy».

Книга вышла на английском языке в нескольких переводах и роскошных изданиях. На русском языке были изданы переводы известного поэта и переводчика В. В. Маркова,¹ М. А. Михайлова,² П. И. Эйфорта,³ П. Якубовича,⁴ его же за подписью М. Рамшева,⁵ И. С. Продана⁶ и ряда других поэтов.

Обаяние настоя Мирза Шафи привлекло также внимание поэта С. Я. Надсона.⁷ Им был сделан единственный перевод одной из песен Мирза Шафи о Зулейхе:

Ни ангелов, срывающих в лазурных небесах,
Ни роз, благоухающих в задумчивых садах,
Ни неги ослепительных, полуденных лучей,—
Я не сравню с Зулейхою, красавицей моей.

Чужд непорочных ангелов недуг любви земной,
В садах без острых терний нет розы ни одной,
И гасит солнце к вечеру огонь своих лучей,
Но к ним не приравняю я красавицы моей!

История прошла не без курьезов.

В 1879 году «Живописное обозрение», очевидно, в поисках новых переводов «Песен», сообщило своим читателям сенсацию, что «Песни Мирза Шафи» переведены даже на татарский язык.⁸ Об этом писала и немецкая газета «Das Magazin für Literatur»⁹.

Какая ирония!

Кто из доблестных немецких бюргеров и великодержавных мужей мог поверить, что эти чудесные, сверкающие, поющие стихи написаны именно на «татарском» и

¹ «Навстречу». Очерки и стихотворения, СПб, 1878.

² Стихотворения М. А. Михайлова. Подражание Восточному. Берлин, 1862. См. также М. Михайлов. Стихотворения. Малая серия «Библиотека поэта», 1937, стр. 197.

³ Сборник песен и романсов Мирза Шафи, Москва, 1880 и 1907.

⁴ «Стихотворения», СПб, 1887 и 1901.

⁵ «Русская старина», сентябрь, 1887.

⁶ «Песни Мирза Шафи», 1-й вып., Юрьев, 1903.

⁷ Стихотворения Надсона С. Я., Издание 2-е, СПб, 1903, стр. 152.

⁸ «Живописное обозрение», 1879, 31 марта, № 13, т. 1, СПб.

⁹ 1892, стр. 281.

«фарсидском» языках и что их написал именно Мирза Шафи, неизвестный, бедный и полуголодный «учитель татарского языка», «мудрец из Гянджи», азербайджанец Мирза Шафи?

Эти сомнения поддержал и сам переводчик, сделавший попытку воспользоваться мировым триумфом «Песен Мирза Шафи».¹

В 1870 г. ориенталист и впоследствии тайный советник Адольф Петрович Берже, без сомнения, слышавший о Мирза Шафи как о большом поэте, опубликовал о нем интересный биографический рассказ, цитированный нами выше, но, к сожалению, изобилующий ироническими замечаниями по адресу подлинного автора «Песен» и ложными свидетельствами.

По рассказу Ад. Берже, он еще в 1851 году, живя в Тифлисе, встречал на улицах скромного лет под 60 «татарина», который был учителем в одной из мусульманских школ.² Это был Мирза Шафи. В следующем году Ад. Берже стал разыскивать Мирза Шафи, хотел с ним познакомиться. Но в это время Мирза Шафи, согласно версии Берже, «умер от расстройства желудка, обывавшись, между прочим, виноградом... «Это был добрый человек, татарин по происхождению и персиянин по воспитанию».³

Адольф Берже поставил под сомнение авторство Мирза Шафи. Нужно заметить, что вплоть до 70-х годов почти вся западноевропейская печать твердо была убеждена, что эти песни написаны неким «персидским» поэтом. Многие были уверены в том, что Боденштедт является только переводчиком. Блестящим аргументом был неоспоримый факт существования книги: „Tausend und ein Tag im Orient“.

«Почти всегда в нем видел только переводчика легкой восточной анакреонтики. До последнего времени слышались голоса, которые при находке какой-либо ру-

¹ История плагиата Боденштедта впервые нашла свое освещение в работах А. А. Сензаде и Салам Мумтаза — видных азербайджанских литературоведов.

² Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft, Bd. 24, 1870, стр. 425.

³ Там же, стр. 429.

кописи песен Гафиза или иных персидских поэтов видели в них первоисточники «переведенных» Боденштедтом песен и изречений»,¹ — пишет автор одной из последних работ о «Песнях Мирза Шафи» Курт Зундермейер, многозначительно беря в кавычки слово «переводчик». В книге «Песни Мирза Шафи» не было точно указано, что они действительно являются переводом. Тем не менее очень долго они еще считались именно переводами «с персидского». ² Как сообщает Курт Зундермейер, даже многие иностранные переводчики «Песен Мирза Шафи» прямо указывали на перевод этих произведений именно «с персидского». ³ Так были составлены английское издание песен Мирза Шафи в переводе Е. д' Эстера⁴, переводы сербского поэта Евановича (Z. J. Jovanovic), еврейский перевод⁵ J. Шоенег и т. д. ⁶ Собственно, сам Боденштедт в описаниях своего путешествия на Кавказ показал их в качестве перевода «с тюркского»⁷. Кроме того, сам Боденштедт нередко подробно рассказывал также о том, как создавались эти песни, как он их записывал и т. д. ⁸ Читатели настолько были убеждены в авторстве Мирза Шафи, что некоторые даже обращались к Боденштедту с просьбой показать им оригиналы этих чудесных песен.⁹

Это было совершенно естественно. Стихи Мирза Шафи, получившие популярность в Германии 50-х годов, были во многом чужды духу немецкой поэзии эпохи реакции. «От них веяло свежестью гор»,¹⁰ жизнь радостная и философская кипела бурным ключом, сатира и политическая тенденциозность сочетались с глубоким

¹ * ¹ Kurt Sundermeyer. Fr. Bodenstedt und die „Lieder des Mirza Schafiy“, Kiel, 1930, стр. 57.

² Там же, стр. 59.

³ Там же.

⁴ E. d'Esterre. Boston, 1880.

⁵ Breslau, 1868.

⁶ См.: „Daheim“, Jahrgang VIII, стр. 247.; а также книгу Курта Зундермейера.

⁷ См.: „Tausend und ein Tag im Orient“ и „Gesammelte Schriften“, 1867, I и II.

⁸ Там же, Bd. I, стр. 96; Bd. II, стр. 95, 203 и др.

⁹ Kurt Sundermeyer, стр. 60.

¹⁰ Nouvelle Biographie générale, tome trente — cinquième, Paris, MDCCCLX, стр. 670.

Иллюстрация к немецкому изданию.

лиризмом. Быстро возраставшая в эти годы популярность философии Шопенгауэра в немецком обществе являлась прямым противоречием этим вдохновенным гимнам жизни, веселья, любви, вина и мудрости.

Но успех этих песен превзошел все ожидания. Это не могло не окрылять и самого Боденштедта, который никогда почти не имел успеха в своем оригинальном творчестве. Уже в письмах 60-х годов ощущались первые попытки Боденштедта преувеличить свою роль в создании знаменитых песен. Но Боденштедт не мог пока объявить эти песни собственными, ибо он хорошо знал, что хотя со дня смерти автора песен и прошло более чем 20 лет, однако, существуют еще современники Мирза Шафи, люди близко знавшие его, которые могут в случае необходимости возражать против намерения Боденштедта объявить себя автором «Песен Мирза Шафи». Случай, давший возможность Боденштедту выступить якобы с «саморазоблачением», выявился сам собой. Статья Адольфа Берже,¹ поставившего впервые вопрос об авторстве этих песен, сыграла свою неприятную историческую роль. Она явилась опорой и оправданием для плагиата Боденштедта, совершившегося уже в 70-е годы.

Адольф Берже высказал мнение, что Мирза Шафи как поэт на родине совершенно неизвестен. Причем свои «достоверные» сведения он взял из беседы с ахундом Молла Ахмедом, одним из тех духовных лиц, против которых всегда обращалось острое перо Мирза Шафи. Тифлисский ахунд даже не попытался расспросить о произведениях Мирза Шафи у старожилов Тифлиса и только выразил свое сомнение о возможности разыскания этих стихов. «Он никогда не был поэтом и никогда не выдавал себя за такого», — так, якобы, заявил Адольфу Берже ахунд Молла Ахмед.

Нас вообще удивляет: почему Ад. Берже, прекрасно знавший современников Мирза Шафи, обратился к человеку, который, возможно, его лично не знал, и кроме того принадлежал к людям, особо презираемым поэтом, которых он бичевал и в Гяндже и в Тифлисе острыми

¹ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, 1870, стр. 430.

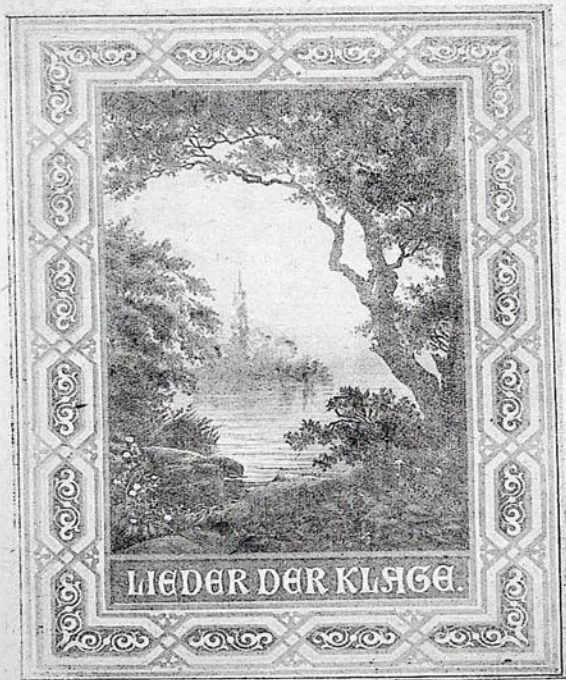

Иллюстрация к немецкому изданию.

эпиграммами? Почему Берже не обратился за сведениями о литературной деятельности Мирза Шафи к Мирза Фатали Ахундову, прекрасно знавшему Мирза Шафи, как поэта и человека, тем более, что Берже был близко знаком с М. Ф. Ахундовым?! Вопреки всякой логике, он запросил сведения о Мирза Шафи у его идейных противников, у людей, которые никогда не переставали преследовать эту прекрасную поэтическую личность. Тем не менее, и ахунд Молла Ахмед, отрицательно относившийся к поэзии Мирза Шафи, не мог скрыть от Адольфа Берже наличие у него поэтических произведений, прочитав ему отдельные газеллы «Мирза Шафи»¹.

Но все это не помешало Адольфу Берже выступить публично с клеветой на Мирза Шафи и явиться непосредственным участником того позорного плагиата, который был совершен уже в 70-е годы. Правда, Ад. Берже сам признавал, что в песнях Мирза Шафи... «имеется частица содействия Мирза Шафи»² но тем не менее он заявил, что «автором этих прекрасных песен... является не Мирза Шафи, а Боденштедт»³.

Немецким бюргерам как раз не доставало именно этого заявления тифлисского «старожилка». Вскоре совершилась и дикая расправа над творчеством азербайджанского поэта. Открыто, цинично, грубо была ограблена азербайджанская поэзия. Поводом к литературному грабежу послужила статья Адольфа Берже. Вскоре выступил и Боденштедт.

«Согласно мысли, преобладающей в Германии, — писал Боденштедт в 1873 году, — Мирза Шафи был знаменитый поэт, переведенный мною на немецкий язык со всем благоуханием и переливом красок первоисточника»⁴. Боденштедт более чем через 20 лет после смерти азербайджанского поэта Мирза Шафи и опубликования первых песен поэта на немецком языке, открывая миру «истину», якобы «разоблачает» свою «мистификацию». Но мы не знаем: что было мистификацией? Издание ли песен Мирза Шафи в переводе Боденштедта или то, что он заявил после

¹ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, 1870 г., стр. 480—482.

² Там же, стр. 482.

³ Там же.

⁴ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, 1875, стр. 196.

небывалого успеха этих переводов: «Правда в том, что эти песни Мирза Шафи... являются не переводами, и мне одному обязаны они своим существованием»¹. Боденштедт выразился несколько осторожно. Он прав, когда говорит о том, что не будь Боденштедта, песни Мирза Шафи не были бы тогда известны всему миру. Честь переводчика и популяризатора песен Мирза Шафи никто у него и не собирается отнимать. Но действительно ли «Die Lieder des Mirza Schaffy» были не переводами, как стал утверждать путешественник Фридрих Боденштедт?

В 1887 г. Боденштедт еще раз воспользовался своим правом «автора» песен Мирза Шафи и в 50-м Лейпцигском издании «Die Lieder des Mirza Schaffy» опять выступил с разъяренным своего «авторства».

Приведа выписку из рассказа Ад. Берже², Боденштедт «разъясняет» роль, которую «сыграл Мирза Шафи в «Песнях»: «Этот учитель, для которого кiset табаку и стакан вина были пределом счастья», — объяснял своему слушателю ударения в персидской версификации, пел ему персидские песни и знакомил, таким образом, с духом восточной поэзии; сам Мирза Шафи ничего не написал; имя его было взято в шутку, что выражено в написании, его через два «f», для ассоциации со словом «Schaff» (овца), в то время, как по-персидски следовало Мирза Шафи писать через одно „f“.

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТ

Такое отношение к замечательному литературному наследию Мирза Шафи и унижительное для его памяти, как крупного поэта, не прошло бесследно. Таким образом, укоренилось мнение о том, что никакого Мирза Шафи не существовало и что эти «Песни» написал сам Фр. Боденштедт. Эта ложь не была полностью опровергнута даже такими учеными, как А. Крымский и А. Мюллер, которые, прекрасно зная Восток, выразили только смутное

¹ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, 1875, стр. 196.

² Цитирую по статье М. И. Семева. «Русская старина», 1887, т. 54, стр. 416—417.

сомнение в авторстве Боденштедта. А. Мюллер в своем капитальном труде «История ислама» писал о том, что «как известно Мирза (Шафи) не перс, а турок из Гянджи или, вернее, немец из Ганновера»¹.

Под такое же нерешительное сомнение ставит подлинность авторства немецкого поэта академик А. Е. Крымский:

«С немецкого языка стихи Боденштедта, под заглавием «Песни Мирза Шафи», появились не раз и в русском переводе, например, П. И. Эйферт (М., 1880). Но редко кто из русских читателей догадывается, что подлинного Мирза Шафи надо искать в российских пределах. Боденштедт дал не перевод, а переделку, в которую внес очень много своего собственного; по-видимому, от подлинного Мирза Шафи осталось у Боденштедта совсем мало»².

А знаменитые «энциклопедисты» Брокгауз и Ефрон дают такую «научную» справку о Мирза Шафи: «Своим необыкновенным успехом эти песни обязаны мастерству языка, чисто восточному колориту и добродушному юмору мнимого автора, который был учителем Боденштедта по персидскому языку»³.

Не отстают от них и другие справочные издания, повторяя старую фальшивую песню о Мирза Шафи:

«Мирза Шафи, друг и учитель Боденштедта, именем которого последний подписывал некоторые свои стихотворения»⁴.

Такие «авторитетные» суждения повлияли даже на некоторые наши советские издания.

«Из массы собственных его произведений (в стихах и прозе) заслуживают внимание «Песни Мирза Шафи», написанные в стиле восточной лирики, созданном Гете и Гюккертом, имевшие громадный успех (в 1917 г. вышло 264-ое изд.)⁵ — это пишет автор заметки о Боденштедте в Большой Советской Энциклопедии.⁶

¹ А. Мюллер. История ислама, том III, стр. 73.

² А. Крымский. История Турции и ее литературы, том I, стр. 140.

³ Брокгауз и Ефрон, том VII, стр. 212.

⁴ Исторический энциклопедический словарь Граната, V, 1893.

⁵ Это неправильно. В 1917 г. вышло не 234-е, а 161-е издание.

⁶ БСЭ, том 6, стр. 636.

Поражает полное умолчание о существовании азербайджанского поэта, создавшего эти «Песни», и особое подчеркивание двух «f», совершенно не выражающих азербайджанской транскрипции имени Мирза Шафи.

«Литературная энциклопедия» поступила просто: она перепечатала заметку из БСЭ и добавила от себя, что «Die Lieder des Mirza Schafy» — наиболее ценны «из произведений Боденштедта»¹.

Даже один из лучших советских исследователей немецкой литературы Ф. Шиллер писал о том, что, «за исключением одного стихотворения, эти песни, однако, не были переводом из Мирза Шафи, как это думали до 1887 года, а представляют собой самостоятельное творчество Боденштедта»².

Эти «соображения» не вытекали из исследования творчества Боденштедта и подлинного Мирза Шафи, а являлись только повторением того, о чем говорил Боденштедт в позднейшее время. Все это еще больше обязывает нас дать критику этих литературных выдумок и попытаться дать более верное решение этой довольно щекотливой проблемы «авторства» Боденштедта.

Я не могу твердо сказать, что такой необычайной расправе не была подвергнута поэзия Мирза Шафи и в Азербайджане, на родине знаменитого поэта.

К сожалению, Мирза Шафи не всегда записывал свои песни, часто импровизировал, и они переходили из уст в уста, как переходят песни народных ашугов. Вследствие этого пока не обнаружены все рукописи песен Мирза Шафи. Собственно, многие из этих рукописей были увезены Боденштедтом в Германию³. Только в последние десятилетия (в 1929 году) были опубликованы отдельные песни Мирза Шафи, записанные, как предполагается, одним из его почитателей-современников поэтом Мирза Мехти Наджи⁴.

¹ Литературная энциклопедия, т. I, М., 1929, стр. 749.

² Поэзия германской революции 1848 года, 1934, стр. 217.

³ Aus dem Nachlasse Mirza Schafy's, стр. 217; Tausend und ein Tag im Orient, 1850.

⁴ А. А. Сензаде говорит об обнаруженных им в 1928—1934 гг. стихотворениях Мирза Шафи («Литературный Азербайджан», 1936; № 9—10, стр. 57). К сожалению, оригиналы их до сих пор не опубликованы; см. также опубликованные оригиналы песен Мирза Шафи в книге Салмана Мумтаза, Баку, 1926.

Вскоре эта явная буржуазная фальсификация была опровергнута вновь найденными документами и материалами о жизни и деятельности этого интересного «мудреца из Гянджи». Тем не менее некоторые «литературоведы» еще долгое время не успокаивались. Вынужденные признать действительное существование в 40-х годах в Тифлисе поэта Мирза Шафи, они, искажая историческое значение философской лирики Мирза Шафи, пытались выхолостить социальные мотивы его чудесных песен, имевшая его любовным лириком.

Подобные вредные высказывания послужили И. Ениколопову основанием озаглавить свою небольшую, но полезную статью о Мирза Шафи «Забывтый поэт Азербайджана»¹.

Конечно, это не верно. Мирза Шафи не забыт, и об этом говорят и большие споры вокруг его личности и проблемы «авторства».

Наряду с таким извращением роли Мирза Шафи в создании знаменитых песен², в действительности мы имеем совершенно иной, глубоко интересный его образ, возникающий из изучения его чудесных песен и нарисованный Боденштедтом в первом издании книги «1001 день на Востоке».

¹ На рубеже Востока*, № 18, 1934.

² Необходимо отметить одно отродное явление: в некоторых советских изданиях обыкновенно о Мирза Шафи говорится как об азербайджанском поэте, произведение которого были переведены на немецкий язык Боденштедтом. См. М. Михайлов, Стихотворения, 1937, стр. 253.

В настоящее время имя Мирза Шафи прочно вошло в историю азербайджанской литературы XIX века. Его имя можно встретить в «Краткой истории азербайджанской литературы», изданной под редакцией Г. Гусейнова и М. Арифа, и в учебниках для средней школы, а также в периодической печати. Недавно азербайджанская общественность отмечала 100-летие со дня смерти этого замечательного поэта. Но вместе с тем, творчество Мирза Шафи остается в значительной мере мало изученным. Посвященная истории плагиата Боденштедта объемистая книга А. А. Сензаде «Мирза Шафи или Боденштедт? (Баку, 1940) в значительной своей части касается второстепенных вопросов, хотя работа в целом оказалась весьма полезной. Книга И. К. Ениколопова «Поэт Мирза Шафи» (Баку, 1938) только поставила вопрос о плагиате, но научно его не разрешила. Юбилейные статьи и главы в учебниках для IX класса, написанные Ф. Касумзаде, носят компилятивный и популяризаторский характер.

«Он был самым мудрым из людей и совершенно не тронут европейской культурой», — говорит о Мирза Шафи Фр. Боденштедт в предисловии к первому изданию «1001 день на Востоке».

Так определил Боденштедт личность Мирза Шафи и таким, казалось бы, вырисовывается его образ в стихах, изречениях, мудрых и философских беседах и, наконец, в его жизни.

Но «мудрость» Мирза Шафи была особого рода. Она не походила на «мудрость» экзотического восточного старца-пророка, изрекающего божественные истины, каким хотела видеть Мирза Шафи немецкая буржуазия эпохи реакции после революции 1848 года. Это была «мудрость» действительная, бодрая, жизнерадостная, философская и, в то же время, политическая.

Образ Мирза Шафи — поэта и мыслителя — попытался дать Боденштедт. Но он извратил его в известном своем выступлении в 1874 году, дезориентируя многочисленных читателей этих песен, отказываясь от всех тех объективных описаний и характеристик, которые он дал в первой своей книге о Мирза Шафи.

«Поумневший» Боденштедт, пространно, скучно и не совсем удачно пытаясь проанализировать суфийскую поэзию и философию Востока, связывал ее полностью с Мирза Шафи и делал такой вывод: «Мирза Шафи был суфистом, т. е. человеком, стремящимся к истине и самооблагораживанию, для которого ближайшей целью мудрости было: жить в полной гармонии с богом, людьми и самим собой»¹. В другом месте автор еще раз повторяет свое основное положение в «новой» характеристике поэта: «Мирза Шафи находился в полном согласии с учением суфизма»².

Боденштедт, очевидно, упоенный успехом «Песен Мирза Шафи» и подсчетом материальных благ, сыпавшихся в его обывательский кошелек от издания чужих песен, не замечал, что подобная оценка Мирза Шафи совершенно противоречит образу даже того Мирза Шафи, который дал в своем биографическом очерке Адольф Берже, с большой симпатией относящийся к Фр. Боден-

¹ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, 1865, стр. 204.

² Там же, стр. 203.

штету. Мирза Шафи, вопреки утверждениям Боденштедта, был поэтом-реалистом, ставившим под сомнение существование бога, выступавшим против духовенства, визирий, ханжества, фанатизма, жившим «не в ладах» с людьми. Едва ли следующие слова Боденштедта могли бы даже в какой-либо мере определить характер и мировоззрение Мирзы Шафи: «он был совершенно доволен всем мировым управлением, только бы он мог наполнить свой чубук хорошим табаком, а кубок — хорошим вином»¹.

Боденштедт сознательно извращал его образ, пытаясь создать самое жалкое и глупое представление о подлинном авторе «Песен», чтобы этим самым сделать более доказательными доводы в пользу собственного авторства. Тем не менее истина все же вынуждала его признавать и некоторые положительные качества поэта, но так осторожно, что невольно вызывает сомнение искренность утверждений Боденштедта. Человека, «который в действительности, благодаря своему свободному мышлению, был изгнан из высшей духовной школы»,² едва ли можно причислить к сонму невинных овец, каким хотел бы его видеть Боденштедт, прибавляя к Schafу еще одно совершенно ненужное «f».

ПРОТИВ НЕПРАВДЫ И НАСИЛИЯ

«Песни Мирзы Шафи» по своей тематике могут быть разделены на несколько групп. К первой группе мы можем отнести те стихи Мирзы Шафи, в которых наиболее ярко выступает активная, сильная сторона его творчества. Это социальная лирика Мирзы Шафи, направленная против феодальных кругов, шахов и визирий, против духовенства, ханжества молл, воспевающая свободу мысли и действия, жизнь и борьбу свободомыслящего человека.

Едва ли Боденштедт, при его более чем умеренных политических взглядах (об этом мы будем говорить подробно в дальнейшем), при его отрицательном отношении к

¹ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1865, стр. 200.

² Kurt Sundermeyer, Fr. Bodenstedt und die „Lieder des Mirza Schaffy“, Kiel, 1930, стр. 78.

немецкой революции 1848 года, мог бы написать эти остроумные и злые строки, направленные против иранского шаха (Мамед-шаха):

Ich stand einst hoch in Gnade bei dem Schach,
Der oftmals bitter sich bei mir verklagte,
Das ihm kein Mensch so recht die Wahrheit sagte.
Ich dachte ob dem Sinn der Worte nach,
Und fand, das er mit guten Grunde klagte
Doch als ich ihm so recht die Wahrheit sagte,
Verbannte mich von seinem Hof der Schach.

* * *

Wohl gibt es Fürsten,
Die nach, Wahrheit düsten,
Doch Wengen ward ein so gesunden Mag
Sie zu vertragen!

В эпоху Мирзы Шафи Южный Азербайджан и Иран представляли собой отсталую патриархально-феодальную страну, в которой медленно начинали ломаться и отмирать вековые традиции, начинал расшатываться трон Каджаров. Борьба широких масс с иранским деспотизмом, появление бабитов и их широкое распространение, критика официального духовенства характеризовали эту эпоху экономического и аграрного кризиса Ирана первой половины прошлого столетия. Все это находило свое отражение и в литературе.

Мирза Шафи выступил одним из ярких выразителей новых идей и борьбы масс против деспотизма. Стихи о шахе, «пищеварение которого не могло переварить правду», были прямыми отголосками на события, происходящие в Иране.

¹ „Die Lieder des Mirza Schaffy“, 1860, стр. 142. Русский перевод („Песни Мирзы Шафи“ в перев. И. С. Продан, Юрьев, 1903, стр. 7):

У шаха был я в мянсти большой:
Он часто жаловался предо мной,
Что правды всей ему нитко не говорит.
Его слова я взвесил сам с собой:
Нашел, что поделом придворных он винит.
Когда ж ему я правду всю сказал,
То из stoolsны он меня сослал.
Друзья! Не может быть сомненья,
Что правду может шах любить;
Но шахскому пищеваренью
Всей правды не переварить!

Нужно заметить, что влияние «Баба» Сеид Мирза Али Мухаммеда — руководителя религиозно-социального движения 40-х годов — распространялось далеко за пределы Ирана, привлекая на свою сторону не только народные массы, но и лучших людей аристократии, часть городского и деревенского духовенства. Мирза Шафи был одним из тех интеллигентов, которые примыкали к этому движению, выражали свое недовольство деспотизмом феодальной бюрократии, гнетом высшего феодального духовенства и ненависть к их богатству, лжи и лицемерию.

Мирза Шафи не случайно писал о том, что якобы шах часто жаловался на отсутствие людей, говорящих ему правду. Правительство шаха, напуганное революционными волнениями, не решалось сразу пойти на жесткие репрессии против растущего бабизма и пыталось подавить это движение окольными путями. Подобно шаху, описанному Мирза Шафи, хаким одной из провинций Ирана, где бабизм был широко развит, пригласил к себе якобы для обсуждения религиозных вопросов с муштехидами известного бабита Сеид Мирза Яхья Тараба. Хаким обманным путем арестовал Мирза Яхью и, когда народ с оружием в руках пришел освободить борца за его интересы, хаким обманул народ, поклявшись на коране немедленно освободить его. Но в ту же ночь по приказу хакима Мирза Яхья был умерщвлен в тюрьме. Сторонники Мирза Яхья были арестованы, казнены, их имущество было отдано на разграбление, а жены и дети уведены в плен для продажи¹.

Критика высшей аристократии Ирана появляется и в других произведениях Мирза Шафи: «Zum Diwan der Vezire muszt ich konnen»², «Aus den Groszvezir»³ и др.

В первом из этих стихов Мирза Шафи дает яркое выражение своих оппозиционных настроений, создает прекрасную сатиру на абсолютизм шахов и визирей, от дел которых нет никакой пользы народу:

Ich höre das Geklapper einer Mühle,
Doch sehe ich kein Mehl!⁴

¹ Амрпем, Бабиты и Баханти, Тифлис, 1910, стр. 42—43.

² Die Lieder des Mirza Schaffy, 1860, стр. 88.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Мне слышно было мельницы трещанье,
Муки же не видал! (перевод Эйферта).

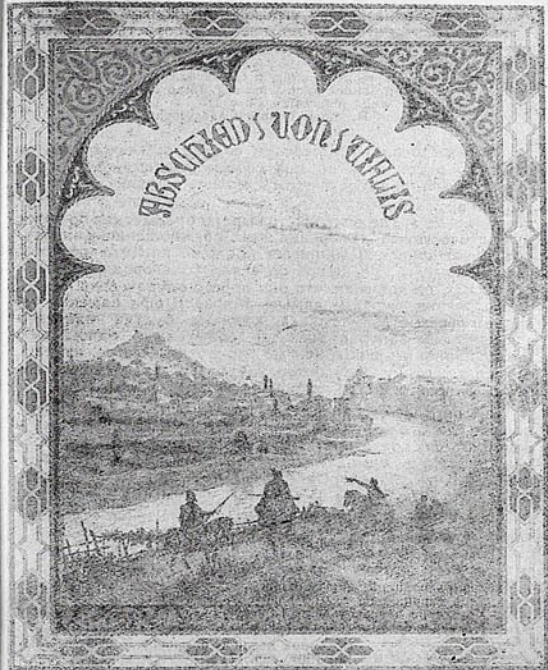

Иллюстрация к немецкому изданию. Тифлис.

Стихотворение звучит угрозой, мятежным духом, направленным против «покрытых золотистым лаком» визирей:

Blick nicht so stolz, o Groszvezirl
Man scheut mich Dich nur deine Macht—
Er weist man offen s'ire Dir,
Wirst Du noch heimlich ausgelacht!

Мирза Шафи внимательно следил за событиями в Иране и откликался на них своими песнями, сатирами. Прекрасным примером этому может служить и стихотворение: „Es hat der Schach mit einer Hand ein Manifest geschrieb en », где он открыто выражает сомнения по поводу благочестивых намерений шаха по отношению к народу, объявляет шахский манифест ложью, клеймит позором тех, которые, лгуя, приветствовали «благородный» шахский жест, не понимая, что они просто одурачены и обмануты. Очевидно, этим самым Мирза Шафи намекал на правительство Мамед-шаха, которое, будучи напугано знаменитыми мазандаранскими событиями, одно время стало проявлять либерализм, но потом быстро изменило свою тактику, еще более усилил казни, убийства, гонения оппозиционных элементов Ирана.

Тем не менее, находятся исследователи, которые в порыве слепого оправдания плагиата Боденштедта ищут в подобных песнях Мирза Шафи отклик на события, происходящие... в Германии. «Эта эпиграмма Боденштедта, — пишет Курт Зундермайер, — относится к манифесту Фридриха Вильгельма IV»².

К этой группе произведений Мирза Шафи относятся также стихотворение:

¹ Визирь великий, как смотришь сердито!
Ведь страшен не ты, но власть твоя —
Хотя тебе честь отдают открыто,
Но все же глумятся, смех затая!

(Сборник песен и романсов Мирза Шафи,
М., 1907, стр. 171.)

² Kurt Sundermeyer, Kiel, 1930, стр. 81.

Mirza Schaffy! Nun werde vernünftig:
Sieh Mirza - Hadshi - Aghassi an,
Was das ein Herr geworden ist!
War früher ein ganz genuene „Mann,
Wie er jetzt behangen mit Ordn ist!

Гаджи Мирза Агаси был первым министром Мамед-шаха и фактически являлся неограниченным правителем Ирана в эти годы. Путешественник И. Березин, посетивший главного визиря, называет его «персидским Ришелье»². Народ не любил его деспотическое правление. «Он разорил этот свет»³. — говорили о нем в городах и деревнях Ирана.

Мирза Шафи, бичуя любимца шаха стихами, полными иронии, дает злое и верное изображение шахских сановников в орденах и чинах.

По содержанию стиха видно, как великолепно знал Мирза Шафи первого министра, который «прежде простой был мужчиной». Это говорит не только о знакомстве Мирза Шафи с иранскими делами, но и о возможности существования личной связи между министром и Мирза Шафи, ибо, действительно, Гаджи Мирза Агаси еще задолго до своего могущества был «моллой в Эривани», а впоследствии жил в Тавризе и пользовался «некоторой известностью своими познаниями в мусульманском богословии»⁴.

Трудно поверить, чтобы мнимый автор этих песен Боденштедт мог так живо интересоваться этой исторической личностью. Даже хронологически это совершенно не совпадает. Возвышение министра произошло уже в се-

¹ Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1860, стр. 27.

Русский перевод: Смотри, Мирза Гаджи Агаси вон
Каким важным господином стал!
Прежде простой мужчина был он,
Теперь в орденах весь и с чином стал!

(Перев. Эйферта.)

² И. Березин. Путешествие по северной Персии, Казань 1852, стр. 196.

³ М. Гамазов. О Турции и Персии, „Современник“, т. 64, отд. 11, стр. 21.

⁴ И. Березин. Путешествие по северной Персии, Казань, 1852, стр. 195.

редине 30-х годов, а Боденштедт проживал в Тифлисе в середине 40-х годов. Странно звучала бы эта запаздывая сатира, если бы она действительно могла принадлежать немецкому путешественнику!

Мы не будем цитировать все многочисленные стихи Мирза Шафи, направленные против иранского деспотизма, властелинов, сановников, вообще людей высшего сословия. Многие прекрасные песни Мирза Шафи активно вторгались в общественную жизнь. Это была борьба еще не осознанная, примитивная, облаченная в традиционные формы восточной поэзии, еще не свободная от влияния великих мистиков-суфиев Востока. Но все больше и больше эта борьба принимала характер резких выпадов против привилегированных классов. Борьба религиозная, борьба против духовенства перерастала в борьбу политическую, социальную.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Но все же «религиозная оболочка» критики Мирза Шафи значительно преобладает в его творчестве. Критика основ исламизма, переход «от одного религиозного учения к другому... служил безмолвным протестом»¹ против феодального и клерикального гнета.

Необходимо заметить, что движение бабитов, так широко распространившееся в 30—40-е годы в Иране, не было явлением узко религиозным. «Учение Баба, лишь только появилось на свете, сделалось знаменем всех недовольных социально-политическим строем Персии»². Так пишет один из миссионерски мыслящих исследователей бабизма И. Сегаль. Но каковы бы ни были его субъективные намерения, он правильно отмечает этот факт перехода от духовной борьбы к борьбе социальной. Анализируя некоторые произведения Мирза Шафи, мы могли убедиться, что это находило свое яркое отражение и в его поэзии.

¹ И. Сегаль. Мусульманские секты в Персии и Закавказском крае. Перепечатано из «Духовного вестника Грузинского Экзархата», 1903, стр. 15.

² Там же, стр. 25.

Сектантские течения в Азербайджане появились уже в тридцатые годы. Распространителями новых религиозных идей были уроженцы Азербайджана, учившиеся в городах Ирана. По возвращении из Ирана они несли с собой эти новые учения, быстро завоевывали себе сторонников и врагов и распространяли свое влияние далеко за пределы своего города. Проповеди одного из этих «протестантов» из города Шуши Мирза Абдуррагима Багир оглы имели такой успех, что «почти все шушинские мусульмане примкнули к учению, принесенному Мирза Абдуррагимом. Не ограничиваясь тесными пределами города, новое учение перебрасывалось в селения, захватывая все большую и большую область»¹.

Это очень важно, так как популярность новых сектантских учений в деревне несомненно говорит о наличии глубокого недовольства среди крестьянских масс. Такие сектанты, как Гаджи Абдулла, о котором мы уже говорили, являлись выразителями этих оппозиционных настроений, широкой волной охвативших умы купчества, ремесленной мелкой буржуазии и крестьянства. Поэтическим знаменем и trubадуром широких народных масс и выступил Мирза Шафи Вазех.

Можно было бы провести параллель между «вагантами» Запада и песнями Мирза Шафи. Эта параллель наиболее ошутима в песнях Мирза Шафи о любви, природе, вине и т. д. Но «ваганты» выражали в своих пародиях и «застольных песнях» оппозиционные настроения деклассированных слоев духовенства, отпавших от церкви, но не примкнувших к широким революционным народным массам. Мирза Шафи выступал с более революционными идеалами, выражая этим настроения именно народных масс Азербайджана. Вот почему даже его стихи о любви, о вине насыщены иным мироощущением, иным восприятием жизни и имеют глубокий социальный смысл.

В этих стихах поэт как будто уходит в мир эстетического созерцания, в мир искусства для искусства. Он поет о безграничной любви, о прелестях женщины, о радостях опьянения, славит любовь и веселье, свободное от

¹ И. Сегаль. Мусульманские секты в Персии и Закавказском крае, стр. 23.

всякого аскетизма, суеверия и религиозных уз. Но это тоже форма поэтической борьбы с религией и ее догматами, со схоластикой и аскетизмом, с духовной инквизицией, с авторитетом церкви. Жизнерадостность, органическое ощущение жизни, полной наслаждения, преклонение перед материальным миром и отказ от веры в ангелов, райские сады, отказ от всего потустороннего — все это характерно для песен Мирза Шафи. Не в небесах, не в общепланном раю, не по воле всевышнего, не в нетленном мире ожидает счастья Мирза Шафи. Счастье и жизнь — на земле, в любви к женщине, в веселье, в вине — так провозглашает поэт. Земное выше небесного — такова основная идея автора этих чудных песен о Зулейхе и Гафизе.

Nicht mit Engeln im blauen Himmelszelt,
Nicht mit Rosen auf duftigem Blumenfeld,
Selbst mit der ewigen Sonne Licht
Vergleich ich Zuleikha, mein Mädchen, nicht!¹

О земном счастье, о радости земной поет и другая песня Мирза Шафи:

Wenn dermaleinst des Paradieses Pforten,
Dem Frommen zur Belohnung offen steh'n,
Und buntgeschaart die Menschen aller Orten
Davor in Zweifel, Angst und Hoffen stehn:
Werd ich allein von allen Sündern dorthen,
Vor Angst und Zweifel nicht betroffen steh'n,
Da lange schon auf Erden mir die Pforten,
Des Paradieses durch Dich offen stehn!²

¹ Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1860, стр. 3

Ни с ангелами в синеве миров,
Ни с розами в рассаднике цветов,
Ни даже с солнца вечного лучом
Моей Зулейхи не сравню ни с чем!

² Die Lieder des Mirza schaffy, Berlin, 1853, стр. 11.

Коль станут некогда ворота рая
Для чистых в дар открытыми стоять,
И всюду пестрые толпы там ожидаа
От робости убитыми стоять.

То буду я лишь, робости не зная,
Меж грешными забытыми стоять,
Уж на земле ты мне ворота рая
Назначила открытыми стоять!

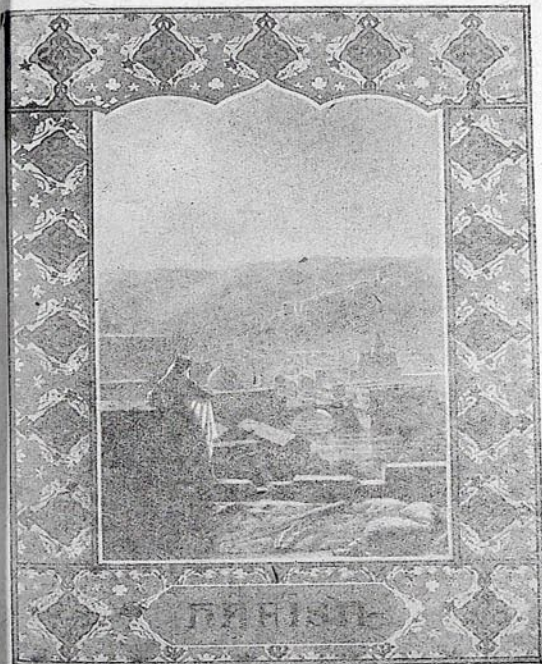

Иллюстрация к немецкому изданию. Зулейха.

Стихи о Зулейхе и Гафизе безусловно принадлежат перу Мирза Шафи. Еще в «Tausend und ein Tag im Orient» Боденштедт подробно записал из уст самого Мирза Шафи рассказ о его первой любви к Зулейхе, дочери Ибрагим-хана из Гянджи,¹ из этого же рассказа мы узнаем, при каких обстоятельствах создавались эти песни, и перед нами раскрывается богатая внутренняя жизнь поэта.

Любовь к Гафизе была второй и последней любовью Мирза Шафи. История этой любви также подробно записана Боденштедтом.² «Эта любовь в его груди, — замечает Боденштедт,³ — была гораздо глубже, чем я сперва предполагал, и, несмотря на его утверждение, что влюбленный не может создавать разумных стихов, некоторые из самых прекрасных его стихов относятся именно к этому времени. Сюда относится и газелла, сообщенная в одной из предыдущих глав: «Wenn zum Tanz die jungen Mädchen»⁴.

В этом же рассказе Боденштедт сообщает «еще одно пока еще не известное стихотворение» Мирза Шафи, которое, по его мнению, является «живым описанием Гафизы».

Мирза Шафи рассказывает подробности истории своей любви к Гафизе. «Ты знаешь, — говорил Мирза Шафи Боденштедту, — отец Гафизы мне сразу же дал определенное объяснение, что он не желает слышать о моей любви раньше, чем я буду в состоянии достаточно зарабатывать для содержания семьи.

— Как часто я должен тебе повторять, — перебил я мудреца, — что это очень легко достигнуть, если ты последуешь моему совету и возьмешь место учителя татарского языка в гимназии.

¹ Friedrich Bodenstedt, Gesammelte Schriften, Band I, Berlin, 1865, стр. 62 и последующие; см. также: И. К. Енколов. Поэт Мирза Шафи, 1938, стр. 14—15.

² Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 266 и последующие.

³ Там же.

⁴ Die Lieder des Mirza Schaffy, 1853, стр. 129. В переводе Боденштедта сказано не „Jungen Mädchen“ а „Jungen Schönlén“.

Рассказывая о появлении этого стихотворения, Боденштедт по забывчивости допустил эту небольшую стилистическую неточность.

Иллюстрация к немецкому изданию. Гафиза.

— Если бы это вышло, я бы подчинился из любви к Гафизе. Но — это не выходит.

— Тогда — это твоя вина! Я всего несколько дней тому назад говорил с директором Кульжинским и слышал из его собственных уст, что все затруднения можно легко устранить, если ты только хочешь взяться серьезно.

— Разве я не сделал все что мог? Разве я не обуздывал свой язык в речах и в молчании? Разве я не паломничал, как факир, с полным смирением из одного дома в другой? Разве я не подавал прошения, как ты мне советовал? Но вот я сижу уже в течение нескольких месяцев на ковре ожидания и не стал умнее чем прежде»¹.

Отсюда мы узнаем о мытарствах Мирза Шафи в связи с поисками службы в Тифлисе, о его тяжелой внутренней борьбе, об обуздании им самих своих заветных желаний. Перед нами опять вырастает реальный, глубоко интересный образ поэта и мыслителя, врага религии и духовенства, подлинного азербайджанского вольнодумца, который в свое время «должен был бежать из магометанской духовной семинарии, благодаря некоторым своим просветительным идеям»².

Боденштедт записал также подробности сватовства Мирза Шафи, его столкновение с муфтием, историю с фетвой, служебные неприятности Мирза Шафи и т. д. Поэт рассказывает Боденштедту подробности своих встреч с Гафизой, диктует ему стихи, посвященные возлюбленной. Отсюда же мы узнаем, что отец Гафизы был «старый, скупой купец»³.

Рассказ этот правдивый, реальный. У нас нет никаких оснований не верить этим «искренним» описаниям Боденштедта в его первой книге, когда слава Мирза Шафи только мерещилась в призраках будущего, и переводчику даже в голову не приходило воспользоваться мировым именем талантливейшего азербайджанского поэта, именем, которое еще не было создано.

Любовь Мирза Шафи к Гафизе подтверждается и другими документами о его жизни. В известной рукописи

поэта Мирза Мехти Наджи, изданной Салман Мумгазом, имеется следующая запись: «Покойный Мирза Шафи во время пребывания в Тифлисе имел одну возлюбленную, связь с которой длилась продолжительное время. В конце концов она была выдана замуж за сына одного зажиточного сельчанина»⁴.

Несомненно, тут мы имеем определенные указания на временную разлуку Мирза Шафи с Гафизой. То, что поэт долго не мог добиться соединения со своей возлюбленной, известно нам уже по описанию путешествия Боденштедта. Отец Гафизы не хотел выдавать свою дочь за «неблагочестивого» мусульманина, неспокойного, «злогобно» и враждующего с моллами. Очень вероятно, что он наконец действительно выдал свою дочь за «сына зажиточного сельчанина», как указывает на это запись Мирза Мехти Наджи.

Но к этой записи добавлена еще одна фраза: «Но связь и после этого продолжалась между ними»⁵.

Указание неточное, но правильное. Это подтверждает, как мы увидим, и сам Боденштедт.

Боденштедт, уехав из Тифлиса, еще некоторое время переписывался с автором песен о Зулейхе и Гафизе.

«Вскоре Мирза Шафи должен был оставить Тифлис»⁶. Очевидно, во время его кратковременной отлучки, Гафиза насильно была выдана замуж. Но после возвращения Мирза Шафи счастье временно улыбнулось ему. «В Константинополе, — пишет Боденштедт, — я получил от него хорошее письмо, где он сообщал мне, что получил хорошее место, но не в гимназии, а в гарнизонной школе»⁷. Боденштедт переписывался и с другими своими тифлисскими знакомыми, которые, зная его теснейшую связь с поэтом, сообщали ему отдельные сведения о его жизни. «Из другого источника, — пишет Боденштедт, — я узнал, что он добросовестно исполняет свои обязанности»⁸.

¹ Салман Мумгаз. Мирза Шафи Вазех, Баку, 1926, стр. 22—23.

² Там же.

³ Tausend und ein Tag im Orient. Berlin, 1850, стр. 287.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 288.

¹ Tausend und ein Tag im Orient. Berlin, 1850, стр. 271—272.

² Kurt Sundermeyer. Friedrich Bodenstedt und die „Lieder des Mirza Schaffy“, Kiel, 1930, стр. 62.

³ Tausend und ein Tag im Orient. Berlin, 1850, стр. 285.

Переписка Боденштедта с Мирза Шафи продолжалась и в дальнейшем. «Вскоре после возвращения на родину я опять получил письмо от Мирза Шафи, в котором он извещал меня, что он благополучно достиг верха блаженства после того, как отец Гафизы умер от желчной лихорадки». Указания Мирза Мехти Наджи, а также Боденштедта намекают на женитьбу Мирза Шафи. После смерти отца Гафизы Мирза Шафи женился на своей возлюбленной, с которой он вынужден был временно разлучиться ввиду того, что ее насильно выдали за нелюбимого человека. В 1846 г. Мирза Шафи уехал в Гянджу и вернулся в Тифлис только 1850 г.¹

Таким образом, перед нами четко вырисовывается история любви Мирза Шафи. 14 прекрасных песен посвятил он своей любви к Гафизе и 14 стихов — своей первой любви — Зулейхе. Многие в Тифлисе знали и пели стихи Мирза Шафи к Гафизе:

Ich sang auf dem Basar
Ein Lied von Deiner Schöne,
Und wer es hörte war
Entzückt von Deiner Schöne.
Tataren, Persen, Kurden
Und Haiks schlaue Söhne,
Moslem und Christen wurden
Gehört von Deiner Schöne.
Es waren Sänger dorten,
Die merkten Sinn und Töne,
Und singen jetzt allerorten
Das Lied von Deiner Schöne.²

¹ A. d. B. e. r. g. e. Mirza Schaffy, „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“, Bd. 24, 1870, стр. 428.

² Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1853, стр. 27.

Русский перевод: Песня о красоте

Я на базаре пел Песнь о красе твоей, Кто слышала, сердцем мдел, Дивясь красе твоей: Курд тронул, персиян, Армении сыновей, Татар и христиан Слух о красе твоей.	Певцам известен стал Тон песенки моей, И всякий воспевал Лишь о красе твоей. Разодрана чадра, Чтоб взор привык скорей, Давно всем знать пора Песнь о красе твоей.
--	--

Краса пройдет — будь песнь тут
В утеху старых дней,
Всегда поют, и все поют
Песнь о красе твоей!

Несмотря на эту полную очевидность, несмотря на ранние свидетельства самого Боденштедта, немецкие исследователи до последнего времени все же пытаются приписать любовь Мирза Шафи... Боденштедту. «Чужие и собственные сильные переживания при усилении преодолеть безответную сильную страсть к замужней женщине приводят поэта к болезни», «становятся причиной подлинного развития его личности и в то же время толчком к самостоятельному поэтическому творчеству»¹.

Трудно найти в стихах о Зулейхе и Гафизе выражение «безответной сильной страсти» Боденштедта. Наоборот, в песнях Мирза Шафи бьет сильным ключом жизнерадостная, взаимная любовь, глубокий оптимизм, твердая вера в жизнь, в счастье, в земной рай. Эти песни далеки от переживаний слабовольного, меланхолического, несамостоятельного, беспомощного Боденштедта, который даже «не мог справиться с оплатой венского кучера»². Поэтому вызывает улыбку каждого, более или менее близко знакомого с оригинальным творчеством Боденштедта, утверждение о том, что «талант Боденштедта сильно оплодотворялся персидской литературой»³, так как песни эти принадлежали не Боденштедту, а азербайджанскому поэту, писавшему на азербайджанском и фарсидском языках, и едва ли можно говорить о стихах Мирза Шафи, что они «должны рассматриваться как удачное подражание» Боденштедта иранской анакреонтике.⁴ Песни о Зулейхе и Гафизе, конечно, являются только переводами Боденштедта из дивана Мирза Шафи, и только слепой шовинизм может упорно настаивать на какой-либо оригинальности Боденштедта в этих песнях. Содержание и смысл этих стихов полностью связаны с биографией и мировоззрением Мирза Шафи и составляют неотъемлемую часть его дивана.

Конечно, творчество Мирза Шафи нельзя оторвать от традиций восточной поэзии, и правы те, кто видит в песнях Мирза Шафи «много сходного по форме и со-

¹ Kurt Sundermeyer, стр. 52.

² A. Friedmann. Erinnerungen an Friedrich Bodenstedt. „Deutsches Dichterheim“, Jahrgang, 1892, стр. 343.

³ Kurt Sundermeyer, стр. 54.

⁴ Там же, стр. 73.

держанию с персидской поэзией, особенно с Гафизом». Сам поэт хорошо ощущал эту связь:

Mein Lehrer ist Hafis, mein Bethhaus ist die Schenke,
Ich lebe guten Menschen und stärkende Getränke,
Drum bin ich wohlgeglitten in den Kreisen
Der Lehrer, und Sie nennen mich den Weisen.²

С поэзией Востока, в частности с азербайджанской поэзией, связывает Мирза Шафи и форма его песен — газелла, рубай, мукатта и т. д. В творчестве Мирза Шафи скаывается суфизм и некоторый гедонизм, философия, проводящая поиски доступных житейских наслаждений³. Так же, как и Гафиз, Мирза Шафи «осмеивает строгости мусульманского закона, запрещающего пить вино... и лицемерный аскетизм суфиев».⁴ Но вместе с тем между ними есть и существенная разница: Гафиз еще во многом связан с религией, от стихов его веет пессимизмом, от которого не спасают даже отдельные его оптимистические строки, тогда как Мирза Шафи не только оптимист, не только бичует религию, ханжество, но это поэт-боец, враг духовенства, злой гений деспотического государства. Правда, все это у него выражено еще туманно, намного слабее будущих выступлений великого Мирза Фатали Ахундова против ислама и деспотизма, но все же в этом — основная идейная устремленность его поэзии.

Мусульманская церковь, государственный строй, верхушки общества — все это являлось мишенью для сатирических стрел поэта Мирза Шафи В мудрых из-

¹ Dr. Hubert Tschersig, *Das Gasel in der deutschen Dichtung und das Gasel bei Platen*, Leipzig, 1907, стр. 201.

² Die Lieder des Mirza Schaffy, 1853, стр. 38.

Русский перевод:

Гафиз — учитель мой, молитвы дом — шинок,
Люблю людей я добрых и вина глоток;
За то меня всегда в попойках и выдала
Охотно близ себя и мудрецом прозвали.

³ Е. Дунаевский. Предисловие к «Лирике» Гафиза, «Academica», 1935, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 31.

Иллюстрация к немецкому изданию.

речениях, в коротких рубан он выражал свою философию, свое критическое отношение к действительности. Его мировоззрение отражает прогрессивные идеи широких народных масс Азербайджана 30—40-х гг., делающих первые, еще слабые попытки освободить себя от феодализма и исламизма.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕНЬ

Западная литература полна самых разноречивых мнений о существовании поэта Мирза Шафи и о подлинном авторстве его песен. Но еще первые публикации «Песен» Мирза Шафи привлекли внимание западной публики. Редко кто из немецких путешественников, приезжающих в Тифлис, не интересовался личностью этого замечательного поэта.

В начале 60-х годов Тифлис посетил Генрих Брукш, описавший свое путешествие в книге, изданной в 1862 году.¹ Мирза Шафи тогда уже не было в живых. Но интерес к его личности еще не иссяк, вернее, только начинался. «Среди всех знаменитых личностей, — рассказывает автор этой книги, — знакомство с которыми сделало бы для нас Тифлис особенно ценным и милым, была только одна, но ее нам не хватало, и мы никак не могли найти жемчужины боденштетского Мирза Шафи, мудреца из Гянджи. Правда, газеты еще до этого сообщали о его кончине, и, таким образом, мы могли бы навесить только его могилу. Никто не мог указать, где был похоронен некий Мирза Шафи. Мы утешали себя мыслью, что не могильный камень и не монумент создают славу поэта и что его имя продолжает жить в его песнях. Но и в этом мы жестоко ошиблись. Никто не знал его — ни перс, ни грузин, ни русский, еще прежде европейца, узнавший песни жизнерадостного Мирза Шафи, песни, которые у нас на немецкой родине завоевали народную любовь. Неужели Мирза Шафи так совершенно позабыт, что никто не может больше вспомнить ни его имя, ни его песни?»².

¹ Dr. Heinrich Brugsch. Reise der königlich preussischen Gesandtschaft nach Persien, 1860 und 1861, Bd. I, Leipzig, 1862/63.

² Там же, стр. 104.

Нас не удивляет печальная судьба Мирза Шафи, ибо в условиях колониального и религиозного гнета лучшие люди Азербайджана нередко умирали одинокими, забытыми, отвергнутыми. Судьба великого просветителя Мирза Фатали ничем не была лучше судьбы поэта Мирза Шафи. Если верить некоторым сообщениям, когда он умер, никто не пошел за его гробом: народ, который все же любил своего писателя, боялся проклятия духовенства, запретившего хоронить «еретика» и «гяура».

Но не преувеличивает ли д-р Брукш, заявляя, что никто не помнил поэта Мирза Шафи? Вызывает серьезные сомнения свидетельство какого-то тифлисского аптекаря Шмидта, к которому обратился с расспросами о Мирза Шафи немецкий путешественник. Именно эти «достоверные» источники д-ра Брукша дали ему повод рассказать случай с подаренным ему мехом „mit persischen Insectenpulver“.³

«Веселый перс Мирза Шафи с его юмором и остроумными ответами»² возбуждал интерес не только одного д-ра Брукша. Успех «Песен Мирза Шафи», растущий с каждым днем, побуждал многих немецких литераторов обратить внимание на этот чрезвычайно интересный образ тифлисского учителя» Боденштедта. Но чем дальше, тем больше забывался подлинный автор этих песен, и на первый план стало выдвигаться имя переводчика. Уже Карл Бартель писал о том, что «Фридрих Боденштедт, возбуждавший большой интерес своей книгой «1001 день на Востоке», выражал в своих песнях... жизнерадостность, мастерство рифмы и стихосложения, а также все легкомыслие (?) Гафиза».³ А 10 лет спустя (в 1872 г.) другой немецкий историк литературы Рудольф Готтшаль писал: «В то время, как в Тифлисе, столице великолепной Грузии, из уст Мирза Шафи струилось учение веселой восточной житейской мудрости, непоколебимого спокойствия духа, на высотах

¹ Dr. Heinrich Brugsch. Reise der königlich preussischen Gesandtschaft nach Persien, 1860 und 1861, Bd. I, Leipzig, 1862/63, стр. 104.

² Там же, стр. 73.

³ Karl Bartel. Die deutsche Nationalliteratur der Neuzeit. Sechste Auflage, 1862, стр. 206.

горного хребта, вплоть до побережья Черного моря, разгорелась неустанная борьба, носящая благородный и величественный характер. Это был Восток в своем спокойствии и движении. Какая пышная и возвышенная панорама природы! Казалось, здесь была родина настоящей западно-восточной поэзии, и, таким образом, это не было чудом, что поэт, с таким ярко выраженным пониманием природы и жизни, как Фридрих Мартин Боденштедт, поселился на Кавказе со всей своей поэзией, которая создала бесчисленные лирические и эпические цветы, но для исследователя-этнографа является не чем иным, как слишком поздно родившимся ребенком».¹

Правда, подобные утверждения об авторстве Боденштедта были единичными мнениями в том массовом убеждении об авторстве самого Мирза Шафи, которое долго господствовало в немецкой литературе. Редко кто сомневался, что автором песен о Зулейхе и Гафизе является именно сам «мудрец из Гянджи». Статья Адольфа Берге и последующее выступление Боденштедта создали некоторый перелом в мнениях в сторону признания последнего автором «Песен Мирза Шафи». И когда в 1892 г. умер переводчик Мирза Шафи, вся немецкая печать стала петь дифирамбы Боденштедту. «Вначале он мистифицировал публику тем, что будто бы эти песни он услышал на востоке от одного «мудрого друга», — писал Людвиг Соломон в *Illustrierte Zeitung*», — а впоследствии он объяснил, что хотя «в то время в Тифлисе жил старый мудрый перс по имени Мирза Шафи, который оказал некоторое влияние на создание этих песен, тем не менее они являются его собственными творениями, поэтическим отображением счастливых дней, проведенных в Тифлисе, и красот природы. Одновременно они насмеяются с игривым юмором над лицемерием, лживостью и т. д. При этом они чрезвычайно красивы по форме и оригинальны по рифме. Поэтому Боденштедт является мудрым восточным эпикурейцем на немецком Парнасе»².

¹ Rudolf Gottschall. Die deutsche Nationalliteratur des neunzehnten Jahrhunderts, 1872, стр. 76—77.

² Ludwig Salomon. Friedrich Bodenstedt. *Illustrierte Zeitung*, 30 april, 1892, № 2548, стр. 476.

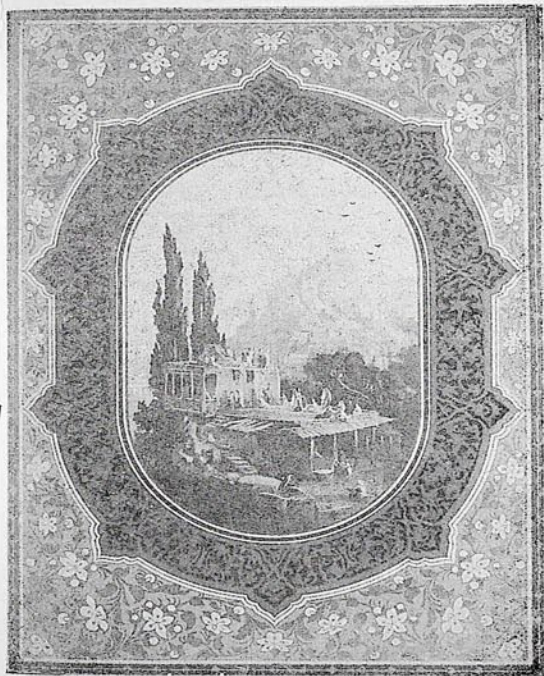

Иллюстрация к немецкому изданию. Тифлис.

Утверждения немецкой печати вторила также и французская и польская печать. Так, например, «ECHO Muzyczne» писала в своем некрологе: «Боденштедт приобрел европейскую популярность изданием тома стихов, от которых веет таким сильным, жизненным и таким близким к природе вдохновением, что каждая нация могла бы причислить его к своей литературной сокровищнице. Заглавие их: «Песни Мирза Шафи». Автором их, единственным и оригинальным, является сам Боденштедт, вопреки огульному мнению, считавшему его только издателем».¹

„Revue politique et litteraire“ попытался не только утвердить авторство Боденштедта, но и проанализировать причины успеха «Песен Мирза Шафи», причем дал им весьма сдержанную оценку.

«Сперва не знали, — пишет французский журнал, — является ли этот сборник переводом персидских произведений; некоторые так и утверждали, ожидая разъяснения автора, но публика мало заботится о подобных спорах и раскупила на перебой эту маленькую книжку... естественность и легкость ритма привлекали читателей, здоровая веселость сюжета, радостное ощущение жизни удержали и очаровали их. Немецкая публика, вероятно, устала от поэтических стонов Генриха Гейне и его подражателей; «чистые рыдания» утомляют, и к слезам присоединяется непреодолимое желание облегчения. Боденштедт воспользовался этим. Никогда никакая книга стихов не появлялась так вовремя: после революций, среди политических трений, возбуждавших Европу, поэт воспевал Зулейху, соловья, розы, главным образом вино, вино, которое возбуждает и дает забвение».²

Авторство Боденштедта постепенно укоренилось. Теперь Эрнст Циль смело писал о том, что «Боденштедт сумел очень пикантно залпироваться пестрой одеждой ориентального Мирза Шафи, причем свои собственные песни он отправлял в плавание под флагом

своего тифлисского учителя».¹ Еще ниже Циль замечает, что «маскарад удался».² «Песни Мирза Шафи» повсюду принимали за то, за что их выдал поэт: за переводы с грузинского» (?).

«Уважаемый» немецкий критик, конечно, все перепутал. Сам Боденштедт даже никогда не утверждал, что Мирза Шафи был грузином. Откуда взяли также и то, что он был «персидским» поэтом, тогда как Мирза Шафи никогда в Иране не был и являлся настоящим азербайджанцем. Циль же одним росчерком пера превратил Мирза Шафи в... грузина. Это одно уже говорит о ценности многословной и жидковатой статьи Эрнста Циля о Боденштедте. Тут мы имеем прекрасный образец совершенно неправдоподобной, вымышленной характеристики Боденштедта: «Резкий протест, выраженный в ироническом тоне, переливающийся всеми цветами в пестром одеянии, игриво запечатлевался в памяти, протест, поднятый против ханжества и лицемерия в государстве и церкви, в обществе и литературе, вскоре завоевал смелому псевдоориенталисту все немецкие сердца, так что эта победа осталась за ним до сегодняшнего дня».³ Все эти слова, по существу, должны быть отнесены к подлинному автору этих песен — Мирза Шафи.

Стихи Мирза Шафи как бы приписывает Боденштедту также Цабель. В известной статье „Krim und Kaukasus in literarischer Beleuchtung“ Цабель пишет: «Настоящий успех книги заключался главным образом в том, что оригинальная фигура его Мирза Шафи в первый раз раскрыла свои уста, богатые изречениями и песнями. Боденштедт жил в Тифлисе у подножья храма Давида, с высоты которого можно было наслаждаться живописным видом долины и расположенным по обеим сторонам Куры красивым городом. После одного веселого пира в старом городе над Курой он имел несчастье упасть с верхней галереи своей квартиры во двор, причем спльно расшибся. В то время в ожиданиях своего выздоровления

¹ Frydryk Bodenstedt. Echo Muzyczne, Teatralne i Artystyczne., Roq dziewia ty wydawnictwa, 1892, Warszawa, № 447(17), стр. 200.

² L. F. de Bodenstedt. Revue politique et litteraire, Paris, 7 mai 1892, № 19, том XIX, стр. 607—608.

¹ Ernst Ziel. Literarische Reliefs. Reiche IV, Leipzig, 1895, стр. 196.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 198.

он брал уроки татарского языка у Мирза Шафи, так как этот язык был необходим ему для изучения Кавказа»¹.

Нам хорошо известно, что Боденштедт стал заниматься с Мирза Шафи не только во время болезни, а сейчас же после приезда, и вместе с этим именно Мирза Шафи он был обязан своим знакомством со многими лириками Востока, прежде всего Азербайджана. Эту огромную пользу, которую принес Мирза Шафи немецкой поэзии, едва ли кто-либо из немецких ученых понял со всей ее глубиной и важностью. Чем же, как непониманием, вернее, поверхностным представлением об этом влиянии может быть ирония П. Горна по поводу «persischer Insectenpulver»², очевидно «намекая» на случай, рассказанный Брукшем в своем описании путешествия в Иран. П. Горн решительно высказался за авторство Боденштедта и заявил, что «Мирза Шафи не был настоящим персом, но по существу был самим Боденштедтом»³. Правда, Горн тут же отмечает, что этот успех Боденштедта был только однажды (!) и что «даже он сам впоследствии не мог это сделать»⁴, т. е. создать еще раз песни, подобные песням Мирза Шафи. Но это все же не меняет его основной установки по поводу авторства этих песен.

Карл Энгельман в своих примечаниях к письмам Боденштедта за 1848 год с некоторыми сомнениями присоединяется к общему хору немецких бюргеров, благословивших этот явный плагиат Боденштедта: «Очень странно, — пишет Энгельман, — что эти недели (проведенные в Вене во время октябрьской революции 1848 года. — М. Р.), полные волнения, которые должны были захватывать нервы и настроения, привели к появлению на свет этих веселых, умных, жизнерадостных песен»⁵.

¹ Eugen Zabel. Krim und Kaukasus in literarischer Beleuchtung. „Deutsche Rundschau“, Jg 29, Heft 10, Berlin, 1903, стр. 109.

² Paul Horn. Was verdanken wir Persien? „Nord und Süd“, Septembr., 1900, стр. 377.

³ Там же, стр. 387.

⁴ Там же.

⁵ Aus Bodenstedts Leben. „Deutsche Rundschau, Jahrgang 1918—1919, Band III, Berlin, стр. 261.

Сомнения Энгельмана вполне основательные. В Вене Боденштедт пережил самые тяжелые для него недели. Тем не менее, по мнению Энгельмана, Боденштедт «сохранил гибкость и радость духа, умел развлекать общество разнообразными историями из пестрой жизни Востока, чтобы отклониться от полного страха настоящего. В тот период он выявил в своей фантазии образ своего старого учителя татарского языка в Тифлисе в типе наблюдательного собутыльника и мудреца; в то же время образовалось или нашло свой окончательный отпечаток большинство небольших песен Мирза Шафи, которые вскоре должны были восхитить всю немецкую публику»¹.

Это растущее убеждение нашло свое отражение и в немецких энциклопедических изданиях. «Алгемайне Дейтше Биографи» также указывает, что именно тифлисское пребывание было «исходным пунктом для его писательской деятельности»². Причем в заметке этой энциклопедии нет даже намека на то, что стихи Мирза Шафи могли бы быть написаны самим Мирза Шафи. Также ничего не упоминая о подлинном авторе, отмечает «эпикурейский скепсис» Боденштедта Конрад Бурдах³. Некоторые даже объявляют песни Мирза Шафи собственностью Боденштедта, называя их «успокоительной поэзией»⁴. Первенство же в этом особом призрастии к Боденштедту принадлежит Курту Зундермейеру, посвятившему ему целую книгу и всячески пытающемуся доказать «оригинальность» Боденштедта, смазывая все те противоречия, которые имеются между «Песнями Мирза Шафи» и мировоззрением, политическими и философскими взглядами Боденштедта.

Автор «Песен Мирза Шафи» — несомненно свободомыслящий человек, отрицательно относящийся к рели-

¹ Aus Bodenstedts Leben. „Deutsche Rundschau“, Jahrgang 1918—1919, Band III, Berlin, стр. 267.

² L. Fraenkel, Friedrich Bodenstedt. „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 47.

³ Konrad Burdach. Goethes West-östlicher Divan. Goethe-Jahrbuch. Herausgegeben von Ludwig Geiger, Siebzehnter Band, Frankfurt a/M., 1896, стр. 38.

⁴ Arthur Ellosser. Die deutsche Literatur von der Romantik bis zum Gegenwart, Berlin, 1931, стр. 84.

гии, духовенству, выражающий прогрессивные, оппозиционные настроения народных масс феодальной страны. По своему содержанию эти стихи отражают жизнь в феодальном Азербайджане, острие их сатирических стрел направлено на ислам и мусульманское духовенство. По форме же они всецело связаны с традициями поэзии Азербайджана и Ирана (Гафиз, Физули). Это — жизнерадостные песни, говорящие о большой и сильной воле, песни, поющие о человеческой красоте, о любви, о жизни. Похоже ли все это на мировоззрение и поэтический дар Боденштедта? Есть ли в нем те элементы, которые мы явно обнаруживаем в этих песнях?

Нет. Боденштедт никогда не был настолько талантливым поэтом, чтобы создать произведения, которые могли завоевать столь славленную популярность у читателей всего мира. Ни до, ни после «Песен Мирза Шафи» Боденштедт не создал ни одного талантливого оригинального произведения, за исключением, может быть, „Ada, die Lesghierin“, и то созданной под значительным влиянием азербайджанского поэта Аббас-Кули-Ага Бакиханова «Кудси», что признает и сам Боденштедт.¹ Боденштедт известен главным образом как переводчик Шекспира, Пушкина, Лермонтова и многих других поэтов. Его оригинальные произведения никогда не привлекали внимания критики и не имеют какого-либо существенного художественного значения. Сравните хотя бы даже стихи, написанные им под впечатлением кавказской природы: «Солнечный день в Эривани», «Утро в Тифлисе» или стихи о Грузии.² Как мало в них жизни, солнечной радости, любви к природе, к красоте, которыми дышат и живут стихи Мирза Шафи. Как обыденно, сухо и скучно описывает Боденштедт даже в лучшем своем оригинальном произведении «Солнечный день в Эривани».

HeiBz liegt die Sonne auf Eriwan—
Die Vögel senken ihr matt Gefieder,
Die Bäume die dörren Blätter nieder;
Verdorrt liegt Feld und Wiesenplan,
Und das hat die schöne Sonne gethän!

¹ См. „Erinnerungen aus meinem Leben“, Berlin, 1888—90, Bd. I, стр. 317 и 102.

² Gesammelte Schriften. Bd. IX, 1867, стр. 166 и последующие.

И вот сравните с этими плоскими, посредственными описаниями природы лирику Мирза Шафи, в которой бьется воля к жизни, к борьбе, к наслаждению земными радостями:

Schlag die Tschadra zurück! Was verhüllst Du Dich?
Verhüllt auch die Blume des Gartens sich?
Und hat Dich nicht Gott, wie der Blume Pracht,
Der Erde zur Zierde, zur Schönheit gemacht?
Schuf er alf diesen Glanz, diese Herrlichkeit,
Zu verblühen in dumpfer Verborgenheit!¹

Или же:

Wodurch ist Schiras wohl, die Stadt
Berühmt mit Ros und Wein geworden?
Wodurch berühmt der Roknabad,
Berühmt Mosella's Hain geworden?²

Оригинальность дарования Боденштедта всегда подвергалась самому серьезному сомнению. Нейман-Гофер³ и О. Свендсон⁴ совершенно отрицают правдивость чувств и оригинальность поэтического таланта Боденштедта, который ценится ими чрезвычайно низко.⁵ Даже такой ревностный защитник Боденштедта, как Курт Зундермейер, остроумно замечает, что он обладал «довольно несамостоятельным лирическим талантом, величайшим счастьем которого было хоть раз быть

¹ Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1853, стр. 99. Русский перевод:

Откинь чадру назад! Что прячешься ты?
В саду разве прячутся также цветы?
Не создал ли бог тебя, как и нынешний цветок,
Земле в украшение, на радость служить чтобы мог?
Разве всю роскошь и блеск он на то сотворил,
Чтобы в глуши и сокрыто от всех он отжил!

² Там же, стр. 93. Русский перевод:

Чрез что Шираз, скажите, град
Известен розой и вином стал?

Чрез что известен Рокнабад,
Мозеллы лес всем так знаком стал?

³ Neuman-Hofer, Friedrich Bodenstedt (Nekrolog). „Magazin für Literatur“, Jg. 61, Nr. 18.

⁴ O. S v e n d s o n. Friedrich Bodenstedt. „Nation“, Jg. 9, Berlin, 1891—92, № 30.

⁵ См. также: Kurt Sundermeyer, стр. 103.

совершенно на месте».¹ Неудачны были оригинальные стихи, написанные Боденштедтом до и после переводов «Песен Мирза Шафи». Даже там, где он непосредственно говорит о Мирза Шафи, но, очевидно, дает свои оригинальные стихи (напр. «Muhammed»),² Боденштедт снижается до уровня лишь неплохого рифмоплета. Интересно заметить, что это стихотворение Боденштедт не включил ни в одно из изданий «Песен», хотя оно и связано с именем Мирза Шафи.

Не менее суровую оценку таланта Боденштедта давали Гейбель и Эйзе. «Поэтическое дарование Боденштедта мало ценилось Гейбелем и Эйзе,—пишет Hugo Bieber в своей известной работе „Der Kampf und die Tradition“». Они подозревали, что автор «Мирза Шафи» был скорее переводчиком, чем поэтом, и творения Боденштедта, в которых он не пользуется восточным костюмом, показывают отсутствие жизненного опыта; после многолетнего пребывания в России и на Кавказе этот опыт мог бы обогатить поэта и с более слабым дарованием. Его гладкие стихи и переводы создали ему славу умения пользоваться формой».³

То же самое замечает и Эрнст Циль. «С тех пор, как он снял свой восточный чурбан и пошел своим путем среди нас в западной фетровой шляпе, к сожалению, он потерял большую долю своего поэтического обаяния».⁴

Поэтическую беспомощность Боденштедта подчеркивает и Людвиг Френкель: «Большинство историков литературы отмечает в дальнейшем его поэтическое творчестве сильный упадок, даже там, где его слова захватывает ориентальная манера»⁵. Таким же образом можно полностью согласиться с утверждением, что если бы Боденштедт не был на Кавказе, то «он никогда бы не собрал растущие там цветы лирики и гномички поэзии Мирза Шафи».⁶ Последнего Френкель называет

¹ Kurt Sundermeyer, стр. 104.

² Gesammelte Schriften, т. IX, стр. 177—181.

³ Hugo Bieber. Der Kampf und die Tradition, Stuttgart, 1928, стр. 496—497.

⁴ Ernst Ziel. Literarische Reliefs, Reihe IV, 1895, стр. 209.

⁵ Ludwig Fraenkel. „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 47, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 54.

«образованным татаринном» (Aufgeklärter Tatar)¹. Он же говорит об умении Боденштедта «приспособляться»², об «уменьшающейся силе» его последующих произведений, правда, все же оставаясь при прежнем убеждении, что автором этих песен является сам Боденштедт, хотя «эти песни при своем появлении обманули даже знатоков, которые считали их подлогами, т. е. переводами».

Изученная нами огромная литература о Боденштедте, привела нас к заключению, что действительно почти никто никогда не говорил о поэтическом таланте Боденштедта и всегда, главным образом, подчеркивали его несомненно ценную переводческую работу. Германия, по существу, знает Боденштедта-поэта, главным образом, как переводчика. Действительно, «Песни» — это первый и последний успех Боденштедта, и этим он был несомненно обязан своему другу Мирза Шафи, крупному азербайджанскому поэту и просветителю первой половины XIX века.

Еще большее, совершенно яркое противоречие выступает при изучении мировоззрения и политических идей живого Боденштедта и комплекса идей «Песен Мирза Шафи». Это две совершенно разные вещи, находящиеся друг с другом в резком противоречии.

Боденштедт не был ни революционно или либерально мыслящим человеком, ни материалистом, ни врагом духовства, государственности. Не был он также и оптимистом. Наоборот, все свидетельствует как раз о противоположных чертах характера немецкого переводчика.

Его первые стихотворные опыты «питались чтением Шиллера, Кернера и Бюргера».³ Его раннее стремление на Кавказ в значительной мере было «пробуждено благодаря чтению Библии».⁴ На Кавказе, несмотря на заверения Курта Зундермейера⁵, он не пережил почти

¹ Ludwig Fraenkel, „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 47, стр. 53.

² Там же.

³ „Deutsche Dichtung“, II стр. 331.

⁴ „Daheim“, Jg VIII, стр. 246.

⁵ Kurt Sundermeyer, стр. 24.

никаких особенных потрясений. Об этом говорят его письма, его достаточно известная биография, описания его путешествий. Правда, нельзя отрицать его интерес к некоей Юлии, с которой Боденштедт познакомился в Тифлисе, а затем встречался после продолжительного времени и у себя на родине, но это едва ли могло быть «той глубокой любовной страстью» (по выражению Курта Зундермейера), которая могла бы найти свое выражение в прекраснейших стихах Мирза Шафи о Зулейхе и Гафизе. Боденштедт посвятил свои переводы ей, как память о тифлисской жизни, но Боденштедту никогда и не приходило в голову в какой-либо мере мистифицировать ее имя и вместо Юлии посвящать «свои» стихи экзотическим Зулейхе и Гафизе. Это подтверждается и тем, что у Боденштедта имеется ряд, правда, малохудожественных, но действительно оригинальных стихов, написанных об этой «Rose von Tiflis»¹. Эти стихи относятся, главным образом, к периоду 1847—1851 гг., после чего Боденштедт женился и больше никогда не писал никаких стихов о своей первой любви. А переводы песен Мирза Шафи, как мы увидим в дальнейшем, в значительной мере выросли именно в последние годы и едва ли могли иметь какое-либо отношение к Юлии.

В Тифлис Боденштедт приехал с большой опустошенной душой. Красивая природа Кавказа очень быстро пленила его. Многие, конечно, от прежней меланхолии исчезло, спокойная и обеспеченная жизнь дала ему некоторое душевное равновесие. Значительным облегчением для него было знакомство с поэтом Мирза Шафи, долгие беседы с ним, знакомство с азербайджанской и иранской поэзией. Но в целом Боденштедт все же оставался пессимистом, меланхоликом, человеком со слабой волей, чем резко отличался от настоящего автора «Песен».

Политические взгляды Боденштедта наиболее ярко выявились в дни революции 1848 г. Октябрьское восстание застало Боденштедта в горах революционных событий — в Вене. Революция вызвала четкое разме-

жевание в немецкой литературе. В лагере контрреволюции оказались такие поэты, как Отто Прехтлер, Фридрих Геббель, Франц Дингельштедт и др. Сюда же примкнул и Фридрих Боденштедт. С развитием венской революции Боденштедт всей своей бюргерской обывательской душой ополчается против «всеобщей борьбы на жизнь и смерть» (Ф. Энгельс).

В бурные дни революционных боев венского пролетариата Боденштедт, подобно героям и героиням Боккаччо, укрывался вместе со своими друзьями в сумерках комнатного уюта, вдали от всего земного и волнующего. Вокруг него образовался небольшой кружок из молодых ученых и литераторов, с которыми он до поздней ночи делился своими воспоминаниями о Закавказье.

Разговор принимал совершенно восточный оттенок: «сидели на ковре ожидания, курили трубку благополучия; из бутылки всходило солнце вина, и они вылавливали тонкими сетями слуха жемчужины речи».¹

«Никто не думал больше ни о шуме на улице, ни о горящих предместьях, ни о барабанном бое, ни о выстрелах».² Так глубоко враждебно и холодно принял Боденштедт наступление революции. Вот почему нас совершенно не удивляет, что венская революция была для него «чудовищной глупостью, трагедией без героя, детской без головы».³

В бурные ночи венской революции, чуждый и враждебный совершающимся событиям, Боденштедт в узком кругу своих друзей, укрывшихся под сенью домашнего уюта, «развлекал общество разнообразными историями из пестрой жизни Востока, чтобы отклониться от полного страхов настоящего».⁴ Свое пребывание в Вене Боденштедт расценивал как «самый беспокойный период»⁵ своей жизни, которая была для него «мучитель-

¹ „Daheim“, Jg VIII, стр. 264.

² „Tausend und ein Tag im Orient“, Bd. 1, Aufl. 1, стр. XV.

³ „Deutsche Rundschau“, Jahrgang 1918—19, Band III, Berlin, aus Bodenstedts Leben, стр. 272.

⁴ Там же. Примечание Карла Энгельмана, стр. 267.

⁵ „Erinnerungen aus meinem Leben“, II, Berlin, 1890, стр. 360.

¹ Gesammelte Schriften, Band IX, Berlin, 1865.

ной как в духовном, так и в физическом отношении.¹ Он всячески пытался «вырваться из холерного воздуха, который здесь вест», и «из черно-желтого духа, который опять делает громадные успехи».²

Эти реакционные и пессимистические настроения, отрицательное отношение к революции и приверженность к консервативным формам государства, «христианское смирение» были всегда присущи Боденштедту. Почти никогда за всю жизнь его не покидали пессимизм и душевная неуравновешенность. «Можно прийти в отчаяние! Я не могу вернуть себе прежнее хорошее настроение, ежедневно случается что-нибудь новое, чтобы увеличить мои заботы и мое горе».³ В другом месте Боденштедт выражает полное отчаяние, доходящее до мысли о самоубийстве, полную безнадежность своей жизни. Даже огромный и неожиданный успех переводов «Песен Мирза Шафи», а также обеспеченная жизнь не могли изменить шопенгауэровское отчаяние и пессимизм Боденштедта. «Я должен был всегда носить такую массу забот и тревог, в которых я не был повинен, что мне в критические минуты оставался один выход — насильственно сбросить их или дать им себя раздавить... Небу известно, чем это кончится; я ничего не могу сделать, как молиться и работать».⁴

Едва ли эти настроения были случайными для Боденштедта. Ими дышат все его дневники, письма, оригинальные художественные произведения. «Времена тяжелых испытаний и возмездий, пустынное зимнее время жизни, когда сад воспоминаний лежит занесенный снегом и взгляд, как прежде все обращенный к внешнему миру, смотрит только в безнадежную тьмоту».⁵

Так постепенно и бесповоротно Боденштедт скатывался к пессимизму, к фатализму, опускаясь все ниже и ниже, находя счастье человека в молитвенном экстазе, в вере в бога и в домашнем мещанском уюте. «Нет

¹ „Deutsche Rundschau“, 1818—19, Band III, стр. 245.

² Там же.

³ Münchener Tagebuch, запись от 10 января 1860 г.

⁴ Там же, запись от 2 февраля 1857 г.

⁵ Eine Königreise, Leipzig, 1883, стр. 4.

лучшего счастья на земле, как здоровье, вера в бога, домашнее согласие».¹

Боденштедт был «несомненно религиозной натурой», — признает Курт Зундермейер.² Таким же образом, представляя собой совершенную противоположность философскому облику Мирза Шафи, Боденштедт, как признает Курт Зундермейер, верил в существование бога, в невозможность познания всевышнего и «за всеми явлениями природы видел неподдающийся опыту силы творца-бога».³ Критику божественного начала, антирелигиозные настроения Боденштедт считал заблуждением.

Es treiben zuchtlose Geister
Gern mit dem höchsten Spott,
Sie kennen keinen Meister
Und kennen keinen Gott.
Sie können nur verwirren,
Ihnen fehlt der Quell des Lichts —
Ihr Denken ist ein Irren,
Ihr Schaffen ist ein Nichts.⁴

С другой стороны, Боденштедт был открытым противником материалистических учений. Он видел в материализме величайшую опасность для человечества, считал, что материализм стремится отнять у народа его последнюю опору — религию.⁵ Он полагал, что естествознание и религия могут идти рука об руку⁶, доказывал, что «существование душ, существование бога, свобода воли еще не стали детскими сказками и измышлениями ума, следствием древнефранкской, мужицкой глупости и поповской хитрости».⁷ Будучи глу-

¹ Цитирую по книге Курта Зундермейера, стр. 32.

² Там же.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Ausgewählte Dichtungen, Berlin, 1864, стр. 64. «Необузданные умы часто смеются над всевышним, они не знают творца, и не знают никакого бога, они могут только запутать, им не хватает источника света, их мышление — заблуждение, их творчество — ничто».

⁵ Fr. Bodenstedt. Eine Königreise. Leipzig, 1883, стр. 283. См. также Kurt Sundermeyer, стр. 41.

⁶ Там же.

⁷ Tagebücher, V.

боко религиозным и верующим, Боденштедт полагал, что все великое остается всегда невидимым и начинается только там, «где дух отделяется от праха».¹

Любопытно, что религиозность Боденштедта вынужден признать и сам Курт Зундермейер, хотя он, наряду с этим, пытается уверять читателя и в его некоторых материалистических тенденциях. Но несмотря на все эти попытки, перед нами возникает именно рельефный образ религиозного человека, верящего в потусторонний мир, в отделение плоти от духа и т. п. И чем больше изучаешь мировоззрение Боденштедта, тем больше приходишь к твердому убеждению, что Боденштедт — антипод, прямая противоположность Мирза Шафи как поэта и автора «Песен», так и человека.

Это принципиальное различие между автором и переводчиком «Песен» подчеркивается интересом Боденштедта к реакционной философии Шопенгауэра. Мирза Шафи был жизнерадостным поэтом, оптимистом. Боденштедт же был в целом пессимистом. Философия Шопенгауэра увлекла его, «все снова и снова захватывала» и давала «много мыслей».² Пессимизм Боденштедта нашел свое отражение и в оригинальных поэтических произведениях.

Не ясно ли? Разве мог человек, подобный Боденштедту, быть автором солнечных, атеистических, свободолюбивых стихов Мирза Шафи? Нам кажется, что совершенно прав Людвиг Френкель, когда он писал: «Так же мало можно вычитать из отрицательных слов Мирза Шафи о берущих взятки визирях и т. п., какие бы то ни было замаскированные нападки на немецкое чиновничество или вообще на какие бы то ни было политические условия его (Боденштедта) родины. Наоборот! *Вопросы, управляющие судьбами, никогда не отягощали ум Боденштедта*»³.

После этого, конечно, можно только с большим сожалением читать разговоры Курта Зундермейера о

«революционных» заслугах Боденштедта: «Оживленная полемика Боденштедта против набожного лицемерия и неестественности распространяется не только против государства, церкви и общества, его поэзия должна быть в то же время «живым протестом» против «приторной модной поэзии» Гейбеля и его окружения»¹. Курт Зундермейер не понял или, вернее, не хотел понимать, что это кажущееся отрицательное отношение Боденштедта к поэзии Гейбеля совершенно не связано с его политическими или иными взглядами, а, наоборот, было результатом чисто субъективных соображений, ибо, как сам Боденштедт отмечает, Гейбель был на стороне той «критики, которая «считала Мирза Шафи только переводом».²

По существу же между немецкой бюргерской поэзией эпохи реакции и идеями позициями Боденштедта не было особого различия.

Торжество контрреволюции стимулировало глубокий перелом в немецкой поэзии. «Заслуженные поэты либеральной умеренной монархической буржуазии переходили, особенно после июньских дней в Париже, в лагерь реакции...»³ «Примирившаяся с реакцией, отказнявшаяся от активной политической борьбы, буржуазия выдвинула новые эстетические требования, согласные которым политика и поэзия несовместимы и произведение тем художественнее, чем дальше оно отстоит от актуальных вопросов дня». Контрреволюция настолько захватила немецких поэтов, что даже Гейбель, «один из гениальнейших драматургов немецкой буржуазной литературы», после победы палачей контрреволюции 1849 года «чувствовал себя в водовороте контрреволюции, как рыба в воде» (Ф. Меринг). С большей открытостью выступала политическая поэзия торжествующей контрреволюции. Но вскоре с усилением и закреплением реакции политически заостренные вопросы ста-

¹ См. Kurt Sundermeyer, стр. 41.

² Tagebücher, V.

³ Ludwig Fraenkel. Fr. Bodenstedt. „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 47, стр. 56.

¹ Kurt Sundermeyer, стр. 81. См. также: Schenck, стр. 128.
² Ein Dichterleben in seinen Briefen. Herausgegeben von Gustav Schenck, Berlin, 1893, стр. 128.

³ Ф. П. Шляер. Поэзия германской революции 1848 года, М., 1934, стр. 245.

ли постепенно исчезать из немецкой реакционной литературы, уступая свое место «искусству для искусства».

Типичными выразителями этих тенденций явились поэты, примыкающие к так называемому «мюнхенскому кружку эстетов» (Э. Гейбель, Боденштедт, Шакк и др.). Так же как Боденштедт, Гейбель был сторонником «аполитичной» поэзии, проповедующей чувственность, гедонизм и примирение с действительностью.

В буржуазной поэзии оживляется романтика и экзотика. Густав Путлиц со своей изысканно-слащавой лирикой становится кумиром немецкого мещанства. Вскоре большую популярность завоевывают и «Песни Мирза Шафи» в переводе Боденштедта.

Мирза Шафи привлек Боденштедта и его многочисленных экзальтированных читателей наиболее слабой своей стороной, именно песнями о любви, о вине, о жизненных наслаждениях. Для Мирза Шафи эти песни явились формой выражения его социального протеста против мусульманского аскетизма, лицемерия и ханжества мусульманского духовенства. Боденштедту же они помогли оказаться в стороне от политики, от острых социальных вопросов, что соответствовало духу консервативной немецкой поэзии 50-х годов. Возможно, что Боденштедт и изменил отдельные инакзвучащие строки Мирза Шафи, осахарил, опошлил их, подчеркнул именно те стороны и мотивы, которые наиболее соответствовали немецкой поэзии о фехах, цветах, лесах и эльфах, а также духу «партии цветов и соловьев». Тем не менее, эти «Песни» были и остаются только переводами стихов азербайджанского поэта.

Ответ на некоторые еще не совсем ясные стороны этой проблемы может дать нам изучение подлинных рукописей Мирза Шафи, увезенных с собой в Германию Фридрихом Боденштедтом. А рукописи эти безусловно имеются, и о них сообщает нам сам переводчик.

«Путешествие в Тифлис, — писал впоследствии Боденштедт в своих «Воспоминаниях»¹, — протекало без особых приключений. Там надо было наверстать много упущенного и приняться за новое, потому что мы при-

везли с собой не только отмороженные и больные суставы, но и множество рукописей, среди которых прекрасный сборник армянских и татарских народных песен»¹, приобретением которого я обязан Абовяну (выдающемуся армянскому писателю. — М. Р.).

Среди народных песен, полученных Боденштедтом у Абовяна и переведенных им, имелись и песни народного ашуга Кешиш-оглы². Но рукописи азербайджанской поэзии, находящиеся у Боденштедта, не исчерпываются этим. Основную и наиболее ценную часть увезенных им рукописей несомненно составляли произведения Мирза Шафи.

Выше мы указывали на процесс записывания этих песен Боденштедтом. Боденштедт был вынужден записывать их не только потому, что он изучал азербайджанский язык, но главным образом по той простой и очевидной причине, что после близкого знакомства с Мирза Шафи, он был буквально очарован его личностью и поэтическими творениями. Выражение «мудрец из Гянджи» не было случайным. Боденштедт очень рано понял, какие огромные сокровища он может почерпнуть из чудесной памяти Мирза Шафи. «Что лучшие поэты написали лучшего, я знаю наизусть и, когда я что-либо забываю из этого, я снова их заучиваю. Но плохих поэтов я совершенно не читаю: на что мне их сочинения? Чем богаче я становлюсь мудростью, тем беднее делаюю книгами... Лучше прочесть хорошую книгу сто раз, чем сто плохих один раз...»³.

Эти суждения Мирза Шафи, полные глубокого философского смысла и выражающие его эстетические взгляды, несомненно имели огромное влияние на сознание Боденштедта, захватывали и волновали его. Влияние Мирза Шафи признавал неоднократно и сам Боденштедт.⁴ Он никогда не пропускал ни одного случая,

¹ Erinnerungen aus meinem Leben. Zweite Auflage, Berlin 1888, стр. 297.

² Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 145.

³ Там же, стр. 235.

⁴ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's. Berlin, 1875.

¹ Боденштедт тут говорит о своем возвращении из Эривани.

чтобы использовать его поэтические богатства, ознакомиться с его библиотекой, записать его песни.

Однажды Боденштедт обратился к Мирза Шафи с просьбой: «Мне хотелось бы посмотреть твою библиотеку, о, мудрец! Наверное, у тебя имеются и другие книги, кроме набожных хвалебных гимнов и молитв».

...«Действительно, — ответил поэт, — но не требуется верблюда, чтобы увезти мои книги». Он показал мне (так пишет Боденштедт) чрезвычайно ценный сборник из фарсидских и татарских рукописей, с поэтическим и философским содержанием, составляющий все его литературное богатство.¹

Боденштедт несомненно был свидетелем большого поэтического расцвета творчества Мирза Шафи. Последний часто импровизировал, а Боденштедт как прилежный и практичный ученик записывал его песни.

«Пиши, я буду петь»,² — говорил ему мудрец из Гянджи. И из его уст лились чудные песни: «Mein Lehrer ist Hafis», „Kind, was thust Du so erschrocken“, песни о Зулейхе и т. д. Эти обращения Мирза Шафи были очень часты. Редкие дни проходили без этих записей песен. «Пиши еще, я буду петь для тебя!»³ — говорил ему Мирза Шафи часто. «Он кивнул головой и попросил меня принести калемдан, — описывает Боденштедт. — Он пел, а я записывал».⁴ После долгих мудрых бесед и рассказов азербайджанский поэт опять обращался к немецкому путешественнику: «Теперь пиши, я буду петь».⁵

Все это для людей, не знающих азербайджанскую поэзию, звучит какой-то чудесной фантазией, но это вовсе не фантазия: все, что рассказано Боденштедтом в его книге «1001 день на Востоке» (в первом издании) — подлинная реальность. В этой книге Боденштедт прав-

¹ Его отношение ко мне имело влияние на все мои дальнейшие переживания на Востоке — неоднократно признается Боденштедт. См. *Gesammelte Schriften*, Berlin, 1865, Bd 1, стр. 209.

² *Gesammelte Schriften*, Berlin, 1865, Bd. 1, стр. 96.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 123.

⁵ Там же, стр. 208.

диво описывает свое путешествие, дает картины быта и жизни народов Кавказа вплоть до натуралистических подробностей, знакомит читателя с литературой Кавказа. Довольно подробно он рассказывает о русском чиновничестве на Кавказе, о людях, с которыми он встречался, дает подробнейшие исторические справки об Армении и т. д. Книга полна обширными этнографическими описаниями, дает широкие картины жизни Закавказья того времени и несомненно представляет с этой точки зрения очень ценный историко-этнографический материал. едва ли можно верить тому, что среди многих десятков имен, о которых Боденштедт рассказывает в своей книге, только одно имя оказалось... фантазией. Абовян, Бакиханов, Мирза Шафи — все эти люди тесно связаны друг с другом, и в описании их нет ничего нереального, фантастического. Конечно, в этих описаниях азербайджанской действительности и азербайджанских поэтов мы имеем выражение личного, субъективного отношения Боденштедта, здесь не мало и излишних сентиментальных строк и желания приукрасить действительность, прибавить к реальным описаниям излишнюю дозу экзотической влюбленности. Но, несмотря на все это «1001 день на Востоке» (мы еще раз подчеркиваем — в первом издании) все же остается в целом объективно правильным историко-этнографическим описательным трудом Боденштедта.

У нас нет никаких оснований не верить рассказам Боденштедта о Мирза Шафи. Его позднейшие ложные разъяснения совершенно не изменяют того ценного и фактического материала о творчестве Мирза Шафи, который мы имеем в первом издании книги.

Боденштедт нередко удивлялся творческому таланту Мирза Шафи. Частые записи песен вызывали у него недоумение и однажды, покидая «диван мудрости», он обратился к Мирза Шафи со следующими словами: «О, мудрец, каким образом ты так быстро создаешь свои песни?».

Они были в саду и шли рядом. Мирза Шафи вместо ответа нагнул и стал рвать цветы. Когда он собрал букет, то подал его Боденштедту и сказал:

«Смотри, этот букет я собрал в одно мгновение, но ведь его цветы не выросли в одно мгновение! Также и мои песни!»¹.

И действительно: едва ли здесь можно говорить о простой и примитивной импровизации. Наоборот, Мирза Шафи усиленно работал над стихом, и те стихи, которые он читал Боденштедту, написаны были гораздо раньше, и только после продолжительной шлифовки своего произведения Мирза Шафи читал его своим друзьям и знакомым.

«Я старался сразу же перекладывать по мере возможности на немецкие стихи рифмованные строфы Мирза Шафи, которыми он переплетал свой рассказ, или же песни, которые он мне пел», — указывает Боденштедт даже в позднейших своих «признаниях»². Даже самые поздние покровители Боденштедта признают то, что «Мирза Шафи несомненно декламировал ему свои собственные стихи»³. Очарованный творчеством Мирза Шафи в 40-х годах, Боденштедт уже в 70-х годах, когда количество изданий „Die Lieder des Mirza Schaffy“ уже перевалило за четвертый десяток, отказывался видеть в своем учителе «настоящего поэта», хотя наряду с этим все же считал, что «в искусстве рифмы он был вполне опытным и свободно переводил с фарсидского на турецкий⁴ и наоборот»⁵.

Боденштедт делает еще более серьезное признание. «После возвращения из Армении, — пишет Боденштедт, — Мирза Шафи подарил мне сборник своих песен, которые он назвал «Ключом мудрости»⁶. Именно этот сборник увез с собой Боденштедт, включив его в состав многочисленных своих записей. Все переводы песен Мирза Шафи были основаны именно на этих материалах.

На существование этой рукописи и записей Боденштедт указывал неоднократно и в различное время.

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 237.

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1875, стр. 217.

³ Kurt Sundermeyer, стр. 63.

⁴ Везде „татарский“ и „турецкий“ — синонимы азербайджанского языка.

⁵ „Daheim“, Jahrgang VIII, стр. 264.

⁶ Gesammelte Schriften, Berlin, 1865, Bd. II, стр. 45.

Так, например, еще в своих «Воспоминаниях», изданных уже в 1890 году, переводчик «Песен Мирза Шафи» пишет:

«Когда я не мог выходить из дому, ко мне приходил профессор Мюллер, чтобы помочь мне разобрать трудные восточные рукописи, большое количество которых я привез с собой»¹. Эта запись относится к мюнхенскому периоду, когда Боденштедт с особым рвением работал над переводами стихов Мирза Шафи.

Таким образом, Боденштедт даже в позднейших своих выступлениях упоминает о «тетради, написанной под его (Мирза Шафи. — М. Р.) руководством на татарском языке и состоящую из татарских и фарсидских песен, которые он пел»².

Еще продолжительное время после выхода первого издания «Песен Мирза Шафи» Боденштедт неоднократно прибегал к помощи этих рукописей и записей. «Некоторые из них я взял с собою в деревню, — пишет Боденштедт в 1874 году, — где без всякого другого литературного материала пишу эти строки, чтобы немного освежить мою память непосредственными записями прошлого, которое давно уже лежит позади меня и на котором основана книга, предлагаемая читателю. Я вижу снова перед собой образ моего учителя, перечитывая эти потемневшие страницы, я слышу звук его голоса и многие песни, которые я уже забыл, снова звучат в моих ушах»³.

Какие же это были забытые песни, как ни стихи талантливго азербайджанского поэта? Его песни еще не теряли свое очарование и долго еще Боденштедт черпал в них вдохновение переводчика.

В первое издание «Песен» стихи Мирза Шафи вошли не полностью (всего 116 стихов). Уже ко второму изданию Боденштедт дал 13 дополнительных переводов, к 11-му — 8, к 15-му — 4, к 19-му изданию — 6 новых переводов⁴. В принадлежащем мне экземпляре «Песен» (издание

¹ Erinnerung aus meinem Leben. Zweiter Band, 1890, стр. 3.

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1875, стр. 206.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1867.

102-ое) имеется уже 181 стихотворение. В первом издании «Die Lieder des Mirza Schaffy» переводчик публикует целый ряд неизвестных произведений поэта. Очень интересные записи по поводу этих дополнений перевода Мирза Шафи мы имеем в письмах Боденштедта.¹ 11 декабря 1853 года Боденштедт писал своему издателю:

«Я, вдохновленный новыми кавказскими исследованиями, все еще делаю изменения и добавления к Мирза Шафи»². В письме от 23 декабря Боденштедт сообщает о том, что выслал им «новые добавления к истории любви Мирза Шафи»³, а 28 декабря пишет о том, что «для третьего издания Мирза Шафи уже готовы различные очень веселые новые песни».⁴ Песни Мирза Шафи, как мы видим, дополнялись и позднее. Это подтверждает Боденштедт в своем письме от 10 октября 1867 года: «Я посылаю Вам прокорректированные экземпляры Мирза Шафи вместе с некоторыми новыми изречениями к 19-му изданию».⁵

В письмах Боденштедта нас больше всего поразили его чисто коммерческий подход к рукописям Мирза Шафи и стремление торговать своими переводами. В этом никак нельзя видеть отношение автора к своим произведениям, а, наоборот, чувствуется отношение человека, пытающегося заработать побольше на переводах чужих произведений. Так, например, в письме от 20 декабря 1852 года переводчик «Песен» сожалеет о том, «что книга вышла слишком поздно, чтобы найти себе покупателей до Рождества»⁶. Но еще более поражает письмо от 12 ноября 1852 года: «Хотите ли, — писал Боденштедт издателю, — увеличить сборник более, чем на дюжину новых стихов, еще совершенно неизвестных песен и весьма юмористическое письмо Мирза Шафи (очевидно, то самое письмо, которое Боденштедт получил от Мирза Шафи у себя на родине. — М. Р.), как вступление к нему, я могу за пять

луидоров представить Вам эту рукопись. Эта цена по отношению к работе, которой я занимался в течение нескольких недель, очень низкая»¹.

Эти слова Боденштедта не требуют комментариев. Ясно, что только переводчиком «Песен Мирза Шафи» в течение 3—4 десятилетий он признавал себя и относился к ним как к источнику прибыли, охотно и довольно дешево предлагая покупать рукописи азербайджанского поэта. Наряду с этим, оказывается, что Боденштедт систематически работал над переводами стихов Мирза Шафи, и энергия его увеличивалась по мере роста успеха «Песен» с одной стороны, и, наоборот, ослабевала по мере иссякания источника, т. е. привезенных Боденштедтом рукописей Мирза Шафи и своих записей.

Публикуемые Боденштедтом новые стихи Мирза Шафи почти ничем не отличаются от его прежде опубликованных стихов. Боденштедт, как предполагаемый автор этих песен, едва ли мог жить подобными «восточными» настроениями в течение... 40 лет. Не мог же он писать задним числом на 40 лет лирические стихи а la Mirza Schaffy или же посвящать целое стихотворение Мирза Фатали Ахундова, которого он в период пребывания в Тифлисе совершенно не знал как писателя и тем более как «Wunderknabe» (так называет Мирза Шафи своего друга и воспитанника).² О Мирза Фатали Ахундове Боденштедт услышал только впоследствии по переводу его комедии на немецкий язык, и, приводя слова одного из героев комедии «Мустье Жордан», называет Ахундова «der tatarische Lustfeldichter»³.

Надо обратить внимание и на то, что Боденштедт публиковал эти переводы периодически. Если бы они были «оригинальными» произведениями и написаны «под непосредственным впечатлением» в Тифлисе, то едва ли он стал бы их опубликовывать частями в течение 40 лет. Но он не мог их написать в Тифлисе, так как «Песни Мирза Шафи», как мы уже сравнивали выше, совершенно отличаются и по форме и по содержанию от действитель-

¹ Schenck Gustav. Fr. Bodenstedt. Ein Dichterleben¹ in seinen Briefen, 1850—1892, Berlin, 1893.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 160.

⁶ Там же, стр. 30.

¹ Schenck Gustav. Fr. Bodenstedt. Ein Dichterleben in seinen Briefen, 1850—1892, Berlin, 1893, стр. 30.

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1875, стр. 137.

³ Gesammelte Schriften, Berlin, 1865, Band II, стр. 174.

но оригинальных стихов Боденштедта, написанных им в тифлиский период. Автор «Песен Мирза Шафи» и Боденштедт, как автор цикла «Im Morgenlande»¹ — люди совершенно различного таланта и разных мировоззрений. Стиль, форма, сюжет этих произведений резко отличаются друг от друга, хотя все они написаны под солнечным небом Кавказа.

Позднейшее заявление Боденштедта о том, что предлагаемое в «Aus dem Nachlasse» относится ко времени его пребывания в Тифлисе², еще больше подтверждает наше глубокое сомнение в авторстве Боденштедта.

Боденштедт впоследствии утверждает, что из приведенных им рукописей и записей Мирза Шафи он «мог использовать очень немного, причем ограничивался только тем, что время от времени брал из них своеобразный образ или удачно сравнение»³. Это тоже своего рода легализованный плагиат, о котором может быть и стоило сказать гораздо больше, тем более, что, как утверждает сам Боденштедт, и своими поэтическими «возбуждениями он был действительно обязан ему»⁴.

Но нужно ли говорить об этом «использовании» чужих образов, когда дело идет о прямом поэтическом плагиате. Напрасно Боденштедт пытается ввести читателя в заблуждение тем, что в «Die Lieder des Mirza Schaffy» он перевел, якобы, только одну «шаловливую песню»⁵, действительно принадлежащую перу Мирза Шафи. Это тем более излишне, что как раз это стихотворение⁶ написано вовсе не Мирза Шафи, а другим азербайджанским поэтом. Нужно отдать справедливость Боденштедту, что он перевел это стихотворение действительно буквально. Вот немецкий текст:

Mullah! rein ist der Wein,
Und Sünd ist's, ihn zu schmähn—
Mögst Du tadeln mein Wort
Mögst du Wahrheit drin sehn.

¹ Ausgewählte Gedichte, Berlin, 1864.

² Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1865, стр. 208.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 211.

⁶ Die Lieder des Mirza Schaffy, Berlin, 1853, стр. 41.

Nicht das Beten hat mich
Zur Moschee hingeführt:
Betrunken hab ich
Mich von Wege verirrt!!

Если сравнить немецкий перевод этой песни с азербайджанским текстом, то сразу станет ясен не только факт перевода, но и то, что даже текстуальный перевод этого стихотворения звучит гораздо лучше, чем его немецкий перевод:

О благочестивый! Напрасно ты от вина отиратися,
Прими мои слова за правду или хоть за ошибку.
Но я вхожу в мечети не от того, что почитаю их,
А потому что от хмеля я сбился с пути.

Автор брошюры о Мирза Шафи Сеидзаде также приводит этот перевод Боденштедта. Но ошибка Сеидзаде в том, что он на слово поверил Боденштедту, также отнес стих к творениям Мирза Шафи, и не потрудился выяснить, кто был автором этого четверостишия.² Боденштедт, думается нам, не мог не знать, что этот стих вовсе не принадлежит Мирза Шафи. Еще в «Tausend und ein Tag im Orient» он подробно рассказывал, при каких обстоятельствах было записано это четверостишие.

Как-то Мирза Шафи объяснял Боденштедту, почему он, правоверный мусульманин, пьет вместе с христианами вино. «По существу употребление вина является камнем преткновения для глупцов», — сказал Мирза Шафи. — «Что за дело до корана нам, философам? Все мудрецы и певцы нашего народа восхваляли вино — неужели мы не должны идти по их стопам? — И желая доказать, что

¹ О молла! Как прекрасно вино,
И хулить его, право, грешно!
Объявляю о том громогласно,
Хоть молчи, хоть ругайся — напрасно!

Не желанье к молитве поспеть
Завело меня в эту мечеть:
Охмелевши, с дороги я сбился,
И нечаянно здесь очутился!

(П. Марков. Навстречу. Очерки и стихотворения. СПб, 1878, стр. 16).

² А. А. Сеидзаде. Мирза Шафи Вазех, Ганджа, 1929, стр. 12.

его философия не со вчерашнего дня, он прочел мне (так рассказывает Боденштедт) песню, которую он, по его словам, десять лет тому назад послал на дом одному благочестивому молле, который насмеялся над ним за его любовь к вину».¹

Тут, как мы видим, четко и ясно говорится о том, что Мирза Шафи привел этот стих только для того, чтобы доказать давнее происхождение («не со вчерашнего дня») своей философии. Так же ясно и то, что стих принадлежал не Мирза Шафи, а какому-то другому старому и притом крупному и общепризнанному (иначе не было никакого смысла посылать четверостишие фанатическому молле) поэту. Боденштедт несомненно знал об этом, тем более, что имя автора этого четверостишия встречается на страницах «1001 день на Востоке». Ему, конечно, пока незачем было опасаться разоблачения, но свидетельства Берже и Брукша достаточно говорили в его пользу. Кроме того, им были увезены рукописи Мирза Шафи, а стихи его, как думал Боденштедт, на родине поэта могли и вовсе не сохраниться. Да и самого автора этих песен уже давно не было в живых (Мирза Шафи умер в 1852 г.). Но разве мог Боденштедт отрицать факт перевода стихотворения поэта, который уже несколько столетий был известен на всем Ближнем Востоке и чьи стихи с любовью распевались в народе и ходили в рукописных диванах? Разве можно было скрыть под покровом немецкого стиха подлинное произведение великого азербайджанского поэта Физули?²

زاهدی نا بدندر اکر اه غلط،
مسجد لره گیردیگیم دکل رغبتدن
سن خواه سوزوم صحیح دوت خواه غلط،
سرسلکمدن ایلم راه غلط.

Тут несомненно мы имеем факт подлога, продиктованный желанием спутать все карты, свести на нет творчество Мирза Шафи, «деликатно» отказываясь от одного стихотворения, принадлежащего совершенно другому поэту. И это после тех хвалебных и благодарных строк, которые посвятил Боденштедт поэту в своей первой книге:

¹ Fr. Bodens ted t. Gesammelte Schriften, Berlin, 1865, Band I, стр. 60.

² Кюллият диван Физули, Стамбул, 1315 (Хиджри), стр. 223. Имеется также во всех советских изданиях Физули.

Tausend und Ein Tag im Orient.

von

Friedrich Bodens ted t.

But if this branch of literature has met with so many obstructions from the ignorant, it has, certainly, been checked in its progress by the learned themselves, most of whom have confined their study to the minute reworking of verbal criticism; like men who discover a precious mine, but instead of working for the rich ore, so far from using themselves, with collecting smooth pebbles and pieces of crystal.

St. William Jones.

Fortsetzung und Schluß.

Berlin, 1850.

Verlag der Deutschen Geheinen Ober-Buchhandlung.

«Тысяча и один день на Востоке». Титульная страница.

«Восстаешь опять в моем воспоминании, Мирза Шафи, мудрец из Гянджи! Твои слова стали правдой и исполнилось то, что ты нам обещал. Твои песни нашли прекрасное убежище в сердцах наших женщин и девушек, и твоё имя гордо звучит на Зинаде.

Цветы, которые ты мне подарил, я сплел в венки, и жемчужины, которые ты рассыпал передо мной, я наиздал на нити в честь тебя и на радость людям»¹.

«Цветы», подаренные поэтом Боденштедту, носили обычное название восточных диванов: «Книга мудрости». Довольно подробные сведения о «Книге мудрости» мы можем также почерпнуть из высказываний самого Боденштедта.

«Внимательный читатель первой части «1001 день на Востоке» помнит, что по моем возвращении из Армении Мирза Шафи подарил мне сборник своих стихов, как воспоминание о проведенных часах в Тифлисе за песнями и кахетинским вином.

Он озаглавил эти песни: «Книга мудрости и источник познания», и написал к этому предисловие, чтобы оправдать себя перед самим собой за то, что он записал на бумаге стихи, созданные им как бы играя, т. к., несмотря на звучащие в них самовосхваления, по существу он придавал им мало значения. Если когда-либо существовал человек, который ценил дело больше слов, то это был Мирза Шафи.

«Многие песни Мирза Шафи, которые он пел во время поэтических соревнований или по другим торжественным случаям, продолжают жить в устах грузин и татар, в то время как ему самому никогда не приходило в голову запечатлеть их в записях. Зачастую даже могли бы не знать, что они созданы им, если бы на Востоке не было обычая присоединять к каждой газелле имя поэта.

...Те стихотворения Мирза Шафи, которые можно было перевести, не меняя значительно содержание и форму оригинала, я предлагаю читателям в немецком одеянии»².

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 168.

Эти строки Боденштедт в 1865 г. предусмотрительно выбрал из текста Tausend und ein Tag im Orient* (см. Gesammelte Schriften, Bd. II, стр. 43—44).

² Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 167—170.

Вслед за этими словами, подтверждающими безусловное авторство Мирза Шафи, Боденштедт приводит перевод текста предисловия поэта к «Книге мудрости» с традиционным началом восточных диванов:

«Во имя аллаха всемирносердчного и всемирнолюбивого! После того, как воздали честь и хвалу создателю неба и земли, мы раскрываем подлинную сущность и природу этой книги.

По настоянию своего друга и ученика Бустана-эфенди² (пусть аллах умножит его дни!) Мирза Шафи (да улучшит аллах обстоятельства его жизни!) записал в этой книге собрание своих касыде, газелл, мукатаат³, месневият и рубайят, как источник мудрости и познания; пусть черпают оттуда безумцы и наслаждаются им мудрецы.

В этом сборнике собраны песни о любви, радости и вине; песни утешения и ободрения; песни в честь всего прекрасного и доброго, а также песни осуждения и бича всего дурного и пошлого; семена мудрости, выращенные для посева не на пашне жажды знания и в бороздах восприятия; песни, которые не созданы для людей, желающих держаться золотой середины в качестве образца поэзии и красноречия и отказывающихся пустить своего коня по дороге многословия, как говорил когда-то Нехшеби:

Stets, Nechshebil im Masz der Mitte bleibe,
Sag nicht zu wenig und sag nicht zu viel —
Und was du schreibst, nach dieser Weisung schreibe.
Der Mitterweg führt sicher Dich ans Ziel!⁴

Эти стихи должны быть мериллом для отличия творений плохих поэтов и лицемеров (позор на их голову!) от творений таких поэтов, которые пишут по велению сердца и всегда идут путем правды.

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 170—171.

² «Это имя дано мне литераторами Кавказа, так как слово Бедештедт представлялось для них слишком трудным». (Примечание Боденштедта). Интересно, понимал ли Боденштедт иронический смысл этого имени? («Бустан» по-азербайджански значит «огород», по-фарси — сад).

³ Правильнее: мактаат.

⁴ «Оставайся, Нехшеби, всегда на золотой середине, не говори слишком много и слишком мало, и пиши всегда только так, как указано. Средняя дорога приведет тебя верно к цели».

Плохого поэта можно сравнить с болотом, дно которого никто не может различить не потому, что оно глубоко, а потому, что оно мутно и из него ничего нельзя почерпнуть для освежения ума и очищения от своих безумств. Но о хорошем поэте можно сказать следующее:

Er rühmt sich hohen Besizes,
Und lässt seine Stimme ertönen
Als Fürst auf dem Throne des Witzes
Und Herrscher im Reiche des Schönen¹.

Предисловие это было переведено Боденштедтом, как и десятки других произведений Мирза Шафи. Очень характерно, что Боденштедту, возможно, раньше и не приходила мысль о переводе и издании стихов Мирза Шафи. Также он не собирался писать и о своем путешествии. Только благодаря настоянию ряда лиц, заинтересовавшихся его рассказами о Мирза Шафи (Бертольд Ауэрбах, Эд. Вессель и др.), «он начал в одну бессонную ночь венской октябрьской революции писать первые страницы»² описания своего путешествия. В „Tausend und ein Tag“ Боденштедт записал не только историю Мирза Шафи, но и дал в виде приложения переводы подлинных стихов поэта, используя привезенные с собой рукописи. Боденштедт преподносит свои переводы целыми «пачками», по 20—30 стихов сразу. Это было вполне правильно и логично, ибо Боденштедт смотрел на свою работу как переводчик, знакомящий немецких читателей с творчеством азербайджанских поэтов.

Если бы Боденштедт считал себя автором этих стихов, то он безусловно в первую очередь мог бы попытаться издать их отдельным сборником и без всякой предполагаемой «мистификации», так же как он это делал со своими оригинальными стихами. Вполне понятно, что эта мысль не пришла ему в голову и только по предложению своего издателя он предпринял подготовку первой публикации «Песен».

¹ Он хвалится высоким благом, и голос его звучит, как король на троне остроумия и как повелитель в царстве красоты.

² Kurt S u n d e r m e y e r, стр. 59; см. также „Tausend und ein Tag im Orient“, 1850, Bd. 1, стр. 12; Erinnerungen aus meinem Leben, II, стр. 319; „Daheim“, Ig VIII, стр. 263.

«Перед моим отъездом, — пишет Боденштедт, — они меня просили привести в порядок стихи Мирза Шафи и прибавить к ним еще несколько новых, чтобы к пасхе можно было дать маленькое роскошное издание en miniature. Я почти кончил работу и, т. к. пасха уже недалеко, то уже время начинать печатание, тем более, что стихи *грабятса са с м безнадеежним образом друими собирателями песен*».¹

Последняя запись Боденштедта заслуживает серьезного внимания. Очевидно, интерес к творчеству Мирза Шафи проявил не один только Боденштедт. Мы знаем ряд очень ценных фактов, когда и другие немецкие путешественники, побывавшие в Тифлисе, с особым интересом отнеслись к этой яркой поэтической личности. Одним из первых людей, познакомившихся с Мирза Шафи и почитавших его поэтический талант, был немецкий ориенталист Георг Розен. Розен в период 1843—1844 гг. находился в Закавказье. Боденштедт, также находящийся в это время в Тифлисе, рассказывает о прибытии туда двух ученых путешественников К. и Р. Первый, как пишет Боденштедт, был естествоиспытателем, а второй — лингвистом.² Лингвист Р. никто иной, как Георг Розен, а естествоиспытатель К., прибывший вместе с Розеном в Тифлис — профессор Кох. Боденштедт рассказывает, что «одинаковые наклонности и цель путешествия привели к тому, что я вскоре подружился с (Розеном), который уже имел значительные познания в области восточных языков».³ Вместе с Боденштедтом Розен стал заниматься у Мирза Шафи и изучать вместе с ним азербайджанскую и фарсидскую поэзию. «В утренние часы мы изучали вместе и бродили по городу и окрестностям, а по вечерам он вместе со мной посещал мои городские уроки, происходящие три раза в неделю, или часы мудрости, как Мирза Шафи называл свое преподавание.

От времени до времени наши часы мудрости посещались еще некоторыми другими друзьями, более или менее знавшими татарский и фарсидский языки. Таким об-

¹ Gustav Schenck, Ein Dichterleben in seinen Briefen Berlin, 1893, стр. 9—10.

² Gesammelte Schriften, Berlin, 1865, Bd. 1, стр. 81.

³ Там же.

разом, вскоре под руководством Мирза Шафи образовался настоящий диван. Мудрец из Гянджи брал слово первым и пел, объясняя нам песню, которая, если она была его собственным творением, начиналась и заканчивалась восхвалением его самого.¹ «Его песни всегда были наполнены арабскими словами, и, если, как это часто случалось, нам попадались неизвестные выражения, он представлял нам самим догадываться об их значении».²

Будучи участником «Дивана мудрости» Мирза Шафи, Георг Розен несомненно проявлял большой интерес к личности и творчеству поэта. Сын Георга Розена Фридрих Розен, тоже ориенталист и некоторое время служивший в Тифлисе, подобно своему отцу, интересовался творчеством Мирза Шафи. «Ставший знаменитым, благодаря Боденштедту, — пишет Фридрих Розен в своей книге «Persien in Wort und Bild», — тифлисский писатель Мирза Шафи обладал способностью писать как фарсидскими, так и тюркско-татарскими стихами, но он не сделался вследствие этого известным поэтом на своей родине».³ В той же книге Фр. Розен публикует автограф поэта Мирза Шафи.⁴ Как известно, Мирза Шафи обладал прекрасным каллиграфическим почерком⁵ и преподнес своему другу и ученику Георгу Розену автограф, впоследствии перешедший к его сыну и заключающий в себе двустишия из «Гюлистана» Саади и из дивана Физули.⁶

دیدم کل تازه چنددسته
 برکنبیدی از گیاه بسته

کوردم سنی آلدن اختیارم گیتدی
 باخدم یوزگه صبروقرارم گیتدی

Очень возможно, что материалы, оставшиеся у Фридриха Розена от своего отца, не ограничиваются только этим автографом. К сожалению, некоторые немецкие ученые еще твердо держатся за свою «незапятнанную» честь

¹ Gesammelte Schriften, Berlin, 1865, Bd. 1, стр. 81.

² Там же, стр. 83.

³ Friedrich Rosen. Persien in Wort und Bild, Berlin, Leipzig, 1926.

⁴ Там же, стр. 246.

⁵ В рукописном отделе Института Востоковедения АН СССР (Ленинград) имеется рукопись, написанная рукою Мирза Шафи.

⁶ Кюляният диван Физули, Стамбул, 1315 (Хиджри), стр. 226.

دیدم کل تازه چنددسته
 برکنبیدی از گیاه بسته

کوردم سنی آلدن اختیارم گیتدی

باخدم یوزگه صبروقرارم گیتدی

Autogramm des durch Bodenstein berühmten „Mirza Schaffy“

Автограф Мирза Шафи из книги Фр. Розена.

и, не желая тревожить прах Боденштедта, очень скупо публикуют имеющиеся у них материалы о Мирза Шафи.

Подобно Георгу Розену, уже после возвращения Боденштедта на родину в Тифлис прибыл другой немецкий путешественник Вильгельм Гарниш. Последний рассказывает о своем пребывании в Тифлисе, который стал для него «сказочным городом», именно благодаря знакомству с азербайджанским поэтом. «Мысли, которые шли из глубин сердца моего восточного друга Мирза Шафи, превращались мгновенно в чудные поэтические цветы и превращали Тифлис в сказочный город. Я доверился ему и стал брать уроки местных языков. О его искусстве любовных песен следующие стихи могут дать слабое представление».¹

Мы не думаем, что Боденштедт в своем письме под «другими собирателями песен» подразумевал именно названных нами путешественников. Но одно несомненно, что интерес к творчеству стал расти не только благодаря одному Боденштедту: все, кто побывал в 40-е годы в Тифлисе, невольно обращали внимание на эту яркую личность. Еще в «1001 день на Востоке» Боденштедт говорил о своих знакомых, «которые много слышали о Мирза Шафи».² Стихи Мирза Шафи были широко известны в Тифлисе, многие образованные люди — жители Тифлиса — были посетителями его дивана. Многие интересовались его жизнью и творчеством. Приезжающие в Тифлис путешественники и ученые спрашивали о нем. Многочисленные друзья Боденштедта по Тифлису, от которых он получил письма через одного вернувшегося путешественника, упоминали о «мудреце из Гянджи».³

«Вы можете себе представить, — писал ему в июле 1850 года один из тифлиских друзей, — с каким любопытством читали мы эту книгу («1001 день на Востоке», часть I), содержание которой главным образом было взято из близкого нам материала. Как порадовался бы добрый Мирза Шафи, если бы он увидел свое изображение на титульном листе и убедился бы собственными глаза-

¹ Dr. Wilhelm Harnisch. Reisen in den Ländern der asiatischen Türkei und des Kaukasus (Die Weltkunde), Leipzig, 1845, стр. 436.

² Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 229.

³ Там же, стр. 288.

ми, как много его благоухающих стихов переодето в западное одеяние!»¹

Для современников Мирза Шафи и для близко знавших его людей перевод Боденштедтом стихов Мирза Шафи не вызывал абсолютно никаких сомнений. Тифлисские жители знали Мирза Шафи как крупного и талантливого поэта, и потому, когда вышла первая часть «1001 день на Востоке», они не только удивились этому, но, наоборот, считали весь материал описания восточного путешествия Боденштедта вполне знакомым, понятным и реальным.

Любопытно заметить, что Боденштедт не только переписывался со своим тифлиским учителем и автором песен, но и послал ему свежий экземпляр своей книги. «Вероятно, — читаем мы в этом же письме, — еще не скоро эта книга попадет в его руки, потому что экземпляр, предназначенный для него, переходит из рук в руки здешних знакомых, знающих по-немецки».²

К сожалению, это очень ценное письмо, где сообщается не только об отъезде Мирза Шафи в Гянджу и его дальнейшей судьбе, но даны также сообщения о Бакиханове, Лада Заблочком, Мирза Юсуфе, Я. П. Полонском и других, в последующих изданиях было вычеркнуто Боденштедтом, и уже в «Gesammelte Schriften» оно заменено очень скупой и коротенькой справкой, где все существенное в письме подверглось сокращению. Но это еще раз подтверждает реальность и правдивость всего описанного в «1001 день на Востоке» и еще раз подтверждает то, что стихи, изданные в немецком переводе под названием «Песни Мирза Шафи», принадлежат именно Мирза Шафи. Боденштедт же был счастливым переводчиком, который не только сумел донести эти стихи в «немецком одеянии» до внимания европейских читателей, но и вполне успешно смог объявить себя настоящим «автором» и заставить поверить этой лжи значительную часть образованной Европы.

А ведь сам Боденштедт до 70-х годов неоднократно указывал, что «Песни Мирза Шафи» — только переводы. В этом отношении опять-таки большую ценность имеют

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 268.

² Там же.

письма Боденштедта. К сожалению, и эти письма изданы с значительными купюрами, и, как скромно замечает редактор издания, там выпущены те места, «которые носят чисто деловой характер».¹ Тем не менее, в опубликованных отрывках писем мы находим признания Боденштедта, не подлежащие никакому сомнению. «С приведением в порядок и переписыванием песен Мирза Шафи, — писал Боденштедт в письме от 6 апреля 1851 года, — я скоро покончу, хотя ежедневно находится что-нибудь новое, что я хотел бы еще обработать. Я хотел бы первую страницу заполнить своим собственным, более длинным стихотворением, которая должна явиться поэтической увертюрой для всех произведений вместо обычного предисловия».²

Боденштедт, как видно, прекрасно различал свои собственные, оригинальные, и чужие, переводные, произведения. Переводные — это были песни Мирза Шафи, а собственные — весьма длинный и весьма слабый пролог Боденштедта к этим песням.

Таким же образом 2 сентября 1851 года, Боденштедт запрашивает своего издателя о возможности напечатать не переводы Мирза Шафи, а «*сборник своих собственных стихов*».³ Как мы видим, и здесь Боденштедт делает ясное различие между своими произведениями и переводами из Мирза Шафи. А в письме от 19 августа 1852 года пресловутый автор «Песен Мирза Шафи» говорит о своем «первом более крупном оригинальном произведении в стихах».⁴

В одном из ранних писем Боденштедта мы обнаружили прямое указание на то, что «Песни Мирза Шафи» являются только переводами стихов азербайджанского поэта. «Светлые минуты моего выздоровления, — пишет Боденштедт в письме от 28 марта 1851 года, — я запомнил *ис всеми переводами из „Мирза Шафи“*, из которых уже образовалось большое количество».⁵ Эти новые пере-

¹ Gustav Schenck. Ein Dichterleben in seinen Briefen, 1893, стр. 2.

² Там же, стр. 11—12.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 10.

Стихи Мирза Шафи на немецком языке. Титульная страница.

воды Боденштедт готовил ко второму изданию «Песен Мирза Шафи», которое вышло уже в 1853 году.

Таким образом, не остается никакого сомнения, что Боденштедт не мог и не был автором «Песен Мирза Шафи». Он был только добросовестным и усердным переводчиком стихов своего учителя — азербайджанского поэта, «мудреца из Гянджи». Это видно не только из того, что в течение 35 лет Боденштедт видел в себе только переводчика поэта Мирза Шафи, но и в том, что ни по своему таланту, ни по своему политическому и философскому мировоззрению пессимист, реакционер, святоша Боденштедт их не мог написать. Из всего изученного нами материала четко и ясно вырисовывается образ подлинного автора этих «Песен» — азербайджанского поэта 40-х годов, известного Мирза Шафи, материалиста-пантеиста, врага духовенства и борца против социальной неправды — с одной стороны, и ашуга чудесных лирических песен о любви, радостях и красоте жизни, — с другой. Пора нелепой истории о мнимом авторстве Боденштедта закончить свой круг, а историкам немецкой и мировой литературы вернуть незаслуженно отобранную мировую славу подлинному автору «Песен».

Отрицать эту яркую и оригинальную поэтическую личность XIX века уже стало невозможным. Остается вопрос о детальном изучении его литературного наследия, в особенности рукописей Мирза Шафи. Эти рукописи несомненно имеются у наследников Боденштедта, а также могут быть обнаружены в архивах различных немецких библиотек. Об одной из этих библиотек упоминает Боденштедт в своих «Воспоминаниях». Как мы указывали выше, Боденштедт в Мюнхене работал вместе с профессором Мюллером над восточными рукописями. «Самые важные из них, — указывает немецкий переводчик, — были куплены впоследствии Королевской государственной библиотекой».¹

Образ Мирза Шафи — это образ философа и поэта, которым может гордиться азербайджанская поэзия XIX века. Разве не характерно, что еще в 1861 году одна из самых старых французских энциклопедий поместила следящую заметку о Мирза Шафи: «Мирза Шафи, совре-

менный тюркский поэт, родившийся в Гяндже... около 1810 года. Он жил в Тифлисе, где с ним в 1844 году познакомился путешественник Боденштедт. Язык Мирза Шафи богатый и образный. Его поэмы пахнут свежестью гор, окружающих его жилище. «Эти песни», — замечает автор заметки, — переведены Боденштедтом».¹

Творчество Мирза Шафи, конечно, не исчерпывается тем, что было включено в «Песни Мирза Шафи». Опубликованные в 1926 году 7 песен поэта на азербайджанском и фарси́дском языках несомненно являются ценным вкладом в дело изучения творчества этого замечательного поэта. Красота и лиризм этих песен обратили на себя внимание одного из крупных советских поэтов Владимира Луговского, давшего замечательные переводы Мирза Шафи.²

Не менее ценна опубликованная Ад. Берже песенка Вельтмана из «Муромских лесов» в переводе Мирза Шафи. Одно из опубликованных Берже стихотворений совершенно неизвестно историкам азербайджанской литературы. Это небольшой дистих, примыкающий к циклу песен Мирза Шафи о любви:

تاکي دل آن دلارام زين دل ريميده دآرد
وز دوستان بيدل دل آريميده دارد.³

Второе стихотворение — газелла Мирза Шафи — отчасти известна нам по публикации 1926 года. Но это та самая газелла, которая начинается строкой:

شاهد خرقة نشين زلف زرخ کرده باز

Газелла эта искажена, и у Адольфа Берже она полнее.

Кроме всего этого, Боденштедт также публикует ряд других, не внесенных им в «Die Lieder des Mirza Schaffy», песен Мирза Шафи:

¹ Nouvelle Biographie générale. Tome trente — cinquième, Paris MD CCCL XI, стр. 670.

² Антология азербайджанской поэзии, Москва, 1939.

³ Как долго будет дрожать сердце этой красавицы перед сердцем другого и будет оберегать спокойствие сердца от бесчестных друзей».

¹ Erinnerungen aus meinem Leben. Zweiter Band, 1890, стр. 9.

1

In der Wüste meines Herzens schlug die Lieder ihr
Gezelt auf,
Und erlöst durch Deinen Odem ging es vielen
Blumenfeld auf
Aber müsz't es neue Bahnen ohne Deine Führung
wandeln,
Weh' ihm dann! in Liebeswahnsinn rüttelt es die
ganze Welt auf.

2

Der Frühling kam und ich verkam
Vor Liebesgram.
Ich sah die Blumen neu erstehn,
Alle Rosen erhoben die Häupter wieder,
Nur meiner Rose, Haupt sank nieder,
Um zu vergehn.

3

Deiner Locken dunkle Fülle war zum Fangnetz meinem
Herzen,
Und ich weinte, dasz die Leute spöttelten obmeiner
Schmerzen.
O was hält für mich die Zukunft noch in ihrem Schoosz
verschlossen,
Ist mir unter tausend Leiden heute schon der Tag
verflossen.

1

В пустыне моего сердца любовь раскинула свой шатер и, освобожденная твоим дыханием, она расцвела, как цветок, но если сердцу нужно следовать по другим путям без твоего родителя, — горе ему! В любовном безумии оно сотрясет весь мир.

2

Весна пришла, а я погибал от любовного горя. Я видел, как цветы снова расцветали. Все розы снова подняли свои головки, только головка моей розы опустилась, чтобы поблекнуть.

3

Твои густые темные локоны были сетью для моего сердца, и я плакал так, что люди смеялись над моими страданиями.

96

4

Wir sind ehrlich bald und offen,
Bald versteckt, voll Trug und Listen,
Bald voll Glauben und voll Hoffen,
Bald ungläubig wie die Christen;
Dasz unsre Leibeshüllen
Auch zu Herzenshüllen werden,
Wechseln wir nach eignem Willen
So gedanken wie geberden.

5

Einst, als noch die Welten im Kreise nicht schwanden,
Erde, Feuer und Wasser sich noch nicht verbanden,
War ich trunken durch Dich schon und Verehrer des
Weines,
Und doch war von Leben und Weinstock noch keines.

6

Bel dem falschen versprechen, das Du mir gemacht,
Hab' ich und mein Herz gewartet die Nacht,
Bis der Vogel des Morgens den vers der Verzweiflung sang,
Scham mich über mein Herz, und mein Herz über mich
durchdrang!

Нет сомнения, что когда будут обнаружены в Германии и в Азербайджане новые рукописи Мирза Шафи, перед нами раскроется колоссальное и ценнейшее наследие азербайджанского поэта, чье творчество, имя и слава разорваны на клочки и разбросаны по всему миру. То, что мы привели здесь, только часть его замечательного поэтического наследия.

4

Мы то честны и откровенны, то скрытны, полны хитрости, то полны веры и надежд, то неверующи, как христиане. Чтобы наша, телесная оболочка стала нашей сердечной оболочкой, мы меняем по своей собственной воле как мысли, так и поступки.

5

В то время, как миры еще не исчезали в круговороте, земля, огонь, вода еще не были соединены: был я опьянен тобой и был поклонником вина; и все же ничего еще не было от жизни и от виноградной лозы.

6

При ложном обещании, данном тобой, и мое сердце и я ждали наступления ночи. Пока не запела утренняя птица песню отчаяния, сердце поглотило стыд, а это чувство проникло в меня.

267 - 7

97

ЛУЧ ВО МРАКЕ

Боденштедт рассказывает очень интересные подробности бесед с Мирза Шафи, из которых вырисовывается обаятельный образ интересного восточного поэта со своеобразной философией и с глубоко реалистическим взглядом на жизнь, у которого мог бы многому поучиться и сам Фр. Боденштедт.

Боденштедт описывает увлечение Мирза Шафи западной поэзией. «Отчасти для собственного упражнения, отчасти же для внушения мудрецу из Гянджи большего уважения к певцам Запада, я часто делал повторные опыты, переводя песни с немецкого и английского на татарский язык».¹

«...Ему особенно пришлось по вкусу стихи Гете и Гейне. Он был совершенно восхищен стихотворением Гете „Kennst Du das Land“ («Ты знаешь край») и рыбацкой песней Гейне.

Увлечение Мирза Шафи стихами Гете и Гейне не может быть объяснено простым случаем. То, что для Мирза Шафи именно эти поэты представляли интерес объясняется не только его художественным вкусом, но и глубоко реалистическими взглядами на жизнь и на поэзию.

Мирза Шафи — поэт, уже в 40-х годах проявляющий достаточную активность, противопоставляющий свое мировоззрение идеологии феодализма. Еще в 1833 году, когда Мирза Шафи еще находился в Гяндже, между ним и юным Ахундовым произошел интересный разговор. Мирза Фатали, уже будучи крупным писателем, так описал свою встречу с Мирза Шафи:

«В одной из келий Гянджинской мечети жил уроженец этого города некто по имени Мирза Шафи. Он имел очень хорошие познания в разных отраслях науки и, кроме того, обладал искусством писать весьма красивым почерком, известным под названием «настали». Это тот самый Мирза Шафи, о жизни и достоинствах которого в фарсидских стихах писали в Германии.

Согласно распоряжению моего второго отца, я каждый день ходил к этому человеку и учился у него искусству писать почерком «настали»... В процессе учебы у

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, стр. 204.

меня с этим уважаемым человеком создались дружба и интимность. Как-то этот уважаемый человек обратился ко мне с вопросом:

— Мирза Фатали, изучая науки, какую ты преследуешь цель?

Я ответил ему, что готовлюсь к духовному званию.

Он сказал мне:

— Значит и ты хочешь быть мошенником и шарлатаном?

Меня поразил этот вопрос.

— Мирза Фатали, — сказал Мирза Шафи, посмотрев на меня, — не проводи свою жизнь среди этих отвратительных людей. Пожалей себя и выбирай для себя другую профессию.

Когда я полюбозытствовал узнать о причинах, побудивших его с отвращением относиться к духовенству, он начал говорить о вещах, которые до того времени для меня были покрыты мраком неизвестности. До возвращения моего второго отца, т. е. дяди моей матери, воспитавшего меня, Мирза Шафи сумел мне внушить все вопросы познания.

После этого случая я органически возненавидел духовенство и изменил свои намерения.

По возвращении моего второго отца из Мекки я вернулся снова в Нуху и тут некоторое время я был занят чтением арабских книг, в том числе книги покойного Шейх-Бахэд-дина «Китаби-Хиласет-уль-хесаб».

Как раз в это время в городе Нухе открылась русская школа. Я выразил желание учиться русскому языку, чему не воспротивился мой второй отец. Русскому языку в этой школе я обучался только один год, так как я был уже великовозрастный и больше года не мог оставаться.

Через год в 1834 году мой второй отец привез меня в Тифлис и подал наместнику на Кавказе барону Розену прошение о том, чтобы меня приняли в качестве переводчика в его канцелярию, и, чтобы расширить мои познания по русскому языку, просил поручить меня кому-нибудь из русских чиновников заниматься со мной русским языком».¹

¹ См. наши работы: Великий азербайджанский просветитель. Баку, 1938; Мирза Фатали Ахундов, Баку, 1939; М. Ф. Ахундов. Жизнь и творчество, Баку, 1957.

Как видит читатель, Мирза Шафи сыграл в жизни великого азербайджанского философа-материалиста глубоко серьезную роль.

Беседа Мирза Шафи с юным Мирза Фатали Ахундовым имеет важное значение в определении его социальных взглядов, его мироощущения.

Без сомнения, Мирза Шафи не был моллой-схоластом, чей мозг мог быть отравлен религиозным дурманом. Наоборот, еще в 1833 году, т. е. задолго до встречи с Боденштедтом, это был зрелый, умный поэт и ученый, уже сомневающийся в догматах религии, относящийся критически к действительности, понимающий обман и шарлатанство духовенства.

Мирза Шафи трезво и философски подходит не только к явлениям жизни. Он чувствует, понимает социальную роль поэтического слова. Для него форма — не самодовлеющая категория. Поэт, написавший изумительные по своей форме и нежно-мелодичные произведения, не признавал примата формы. «Мы уже видели раньше, — пишет Боденштедт в уже цитированной нами книге, — что Мирза Шафи только тогда придавал особое значение дикции, благозвучию и совершенству формы, когда с этой формой соединялось подлинное содержание».

«...его замечания об образах, мыслях переведенных мною стихов давали мне всегда не только материал для размышления, но давали мне возможность заглянуть глубже в мирозерцание и мироощущение восточного человека».

Своим материалистическим взглядом на жизнь, своим трезвым реализмом, Мирза Шафи, несомненно, мог побуждать «к размышлениям» такого европейски образованного человека, как Боденштедт.

Боденштедт описывает одну из «неудач» Мирза Шафи с европейской поэзией.

Боденштедт однажды прочел ему стихи Уланда и Гейбеля. «Я вспоминаю, — пишет Боденштедт, — как перевел красивейшую песню Гейбеля, которую я затем часто слышал в Германии и всегда при этом живо вспоминал Мирза Шафи и его суждение.

Мирза Шафи, ознакомившись с содержанием стихотворения, покачал головой, отодвинул песню в сторону и сказал: «Глупый лебедь».

«Разве тебе не нравится эта песня?» — спросил я моего учителя.

— Окончание не мудро, — ответил он. — Какая польза лебедю погибнуть в морской пене? Он этим наносит себе вред и не приносит пользу розе. Я бы кончил ее так:

Er faszt sie mit dem Schnabel,
Und trägt sie mit sich fort!
(Лебедь берет розу клювом
и уносит ее с собой!)

Мирза Шафи — материалист, поэт и мыслитель — решил поэтическую загадку не так, как это решил бы идеалист Боденштедт.

«Труднее ему удавалось понять красоты шиллеровского стиха, — пишет Боденштедт, — однако он признал, что каждый из этих стихов заключает в себе здоровое ядро».¹

Мирза Шафи через Боденштедта познакомился не только с Гете, Гейне, Шиллером и Гейбелем, Боденштедт переводит ему и стихи лорда Байрона, Мура и других.²

Мирза Шафи полюбил и полюбил эти стихи. Он был восхищен ими. «Некоторые песни Томаса Мура и лорда Байрона доставили ему большую радость и были поняты так, что даже не потребовалось каких-либо комментариев».

«Большое впечатление произвели на него, — продолжает Боденштедт, — прекраснейшие стихи Чайльса-Вольфа», „Not a drum was heard, nora funerale note“ («Не слышен бой барабана, не слышны были походные звуки»).

Глубоко серьезный интерес Мирза Шафи к европейской литературе, его искания, серьезные культурные запросы показывает и перевод стихотворения Вельтмана, сделанный им на фарсидский язык.

Берже приводит эту песнь в «Zeitschrift der deutsch-morgenländ. Gesellschaft», Bd. 24, 1870.

Каким образом стихотворение А. Вельтмана могло попасть в руки Мирза Шафи?

Назвать это простой случайностью мы не можем. Перевод Мирза Шафи, сделанный им с мастерством опыт-

¹ Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850. стр. 207.

² Ирландский поэт (1791—1823).

ного переводчика, несомненно говорит о некотором знакомстве Мирза Шафи и с русской литературой. О русской литературе рассказывали ему и Боденштедт, занимавшийся в то время переводами стихов Пушкина и Лермонтова, и армянин-переводчик Будагов, о котором упоминает Боденштедт в своей книге, и Я. П. Полонский, находившийся в то время в Тифлисе.

Наконец, Мирза Шафи мог знакомиться с русской литературой через своих друзей: Бакиханова, Ахундова.

Как бы этот вопрос ни был решен, одно бесспорно, что Мирза Шафи не был уже таким «первобытным» человеком, как его пытаются характеризовать «ультрасовременный» поэт Боденштедт, совершивший плагиат «Песен Мирза Шафи».

Увлечение Мирза Шафи А. Ф. Вельтманом не может рассматриваться как временное и случайное обстоятельство в жизни Мирза Шафи.

Вельтман — один из ранних представителей литературы демократических слоев.

Это сближает поэзию Мирза Шафи, несмотря на ее национальные особенности, с идейным направлением творчества Вельтмана.

Мирза Шафи перевел популярное стихотворение А. Вельтмана «Что отуманилась зоренька ясная».

1

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Чт ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

2

Жаль мне покинуть тебя, чернокожую,
Певень ударил крылом,
Крикнул: ...уж полночь! ..дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

3

Время! ... Веди мне коня ты любима,
Крепче держи под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касима
Муромским лесом купцы!

4

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты вся в золотом облаята,
Спать на лебяжьем пуху!

5

Много за душу свою одинокою,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, чернокожую,
Больше, чем душу, люблю! —

Стихотворение было переведено Мирза Шафи на фарсидский язык.

Все эти любопытные факты раскрывают литературный облик Мирза Шафи, его интерес к мировой литературе, его большое значение в истории развития азербайджанской литературы XIX века.

ВСЕ ДЛЯ НАРОДА

В 1847 году Боденштедт покинул Тифлис, увозя с собою в Германию записи произведений Мирза Шафи.

Мирза Шафи же через некоторое время, в 1848 году, вернулся в Гянджу, где поступил преподавателем азербайджанского языка во вновь открытое Гянджинское уездное училище.

Однако, с начала 1850 года он вновь работает преподавателем азербайджанского и фарсидского языков в Тифлисской гимназии. Там у него завязывается дружба с преподавателем той же гимназии И. И. Григорьевым.

В Тифлисе Мирза Шафи задумал писать небольшой учебник азербайджанского языка, в котором крайне нуждались учебные заведения Закавказья.

Составление этого одного из первых азербайджанских учебников вскоре было поручено ему попечителем Кавказского учебного округа. В работе над учебником активное участие принял И. И. Григорьев.

Мирза Шафи Вазех и И. И. Григорьев приступили к составлению учебника еще в 1850 году. Это подтверждает

¹ А. Вельтман. Муромские леса, М., 1831, стр. 22—23.

ся и сообщением газеты «Кавказ» о том, что «младший учитель Тифлисской гимназии г. Григорьев (?) сочинил 1) Русский букварь для мусульман, 2) Рассуждение о персидской поэзии и продолжает составление персидского словаря по фенгери Джигангар»¹.

Очевидно, в последних своих работах И. И. Григорьев также пользовался помощью и руководством глубокого знатока фарсидского языка и восточной поэзии — Мирза Шафи. Едва ли «младший учитель» Григорьев мог бы владеть так свободно фарсидским языком, чтобы написать «рассуждение о персидской поэзии». Это было бы так же нелепо, как предположить, что Мирза Шафи при всем своем таланте и увлечении поэзией Гейне, Гете и Байрона мог сочинить «трактат о немецкой поэзии». Совершенно логично, что Григорьев при всех случаях работы над восточной поэзией, естественно, вынужден был обращаться к своему «сослуживцу» Мирза Шафи. Совместная их работа над «Хрестоматией» также подтверждает наше предположение.

О богатстве содержания учебника и достаточно широкой литературной осведомленности Мирза Шафи можно судить по сохранившейся программе «Хрестоматии» татарского языка азербайджанского наречия и по самому учебнику.

Судя по программе, «Хрестоматия» должна была состоять из трех отделов. В первый отдел входили ряд нравоучительных изречений «в виде предложений» (переводы с арабского и фарсидского), коротенькие статьи, доступные пониманию детского возраста, содержащие в себе смешные рассказы, нравоучительные басни, история Востока от начала ее до Мухаммеда (по Мирхонду), повесть на простонародном языке «коей правописания подчинено произношению», примеры книжного языка, извлечения из известных трудов по истории Азербайджана «Карабах-наме» (Сказание о Карабахе Адигезал-бека) и «Дербент-наме» (сказание о Дербенте), стихотворные отрывки, избранные оды величайшего азербайджанского поэта Физули и отрывки из его знаменитой романтической поэмы о любви Меджнуна и Лейлы.

¹ «Кавказ», № 23, 1850, По-видимому, речь идет о «Фарханге».

«Под каждой статьей, — указывается в программе, — находится подстрочный перевод; внизу страницы дан небольшой словарь с переводом на русский язык».

Оригинально примечание автора программы о внесении в учебник классической «любовной» поэмы Физули. Автор «оправдывается» тем, что при выборе отрывков обращает особое внимание на изящность и художественность стиха и что она не содержит в себе «неприличное для чтения в юношеском возрасте».

Содержание «Хрестоматии» в некотором смысле может помочь нам выяснить и идейные установки Мирза Шафи.

Не случайно, что он обратил такое серьезное внимание на внесение исторических и научных материалов. Это говорит о явно просветительских тенденциях автора «Хрестоматии». Внесение басен, повести и коротеньких рассказов на понятном, простом народном языке — это прямое противопоставление установленным принципам старой схоластической восточной школы.

Но Мирза Шафи не суждено было увидеть в напечатанном виде первую хрестоматию азербайджанской литературы, автором которой он был. «Хрестоматия» после написания потерпела ряд неудач, встретив ряд препятствий, очевидно, и за свои демократические тенденции.

Из-за невозможности напечатать «Хрестоматию» в Тифлисе, книга была направлена в Тавриз, один из крупных культурных центров Азербайджана XIX века, и была отпечатана там в значительно сокращенном виде в организованной уже в начале века литографии. «Хрестоматия» была послана на отзыв Ага-шейх-Али Муштехиду, который дал похвальный, но научно совершенно необоснованный отзыв. «Хрестоматия», по приказу министра народного просвещения, была вторично направлена на рассмотрение факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Комиссия, составленная из преподавателей факультета (Мирза Кязум-бек, Л. З. Будагов и др.), дала заключение, что текст этой хрестоматии не может служить удовлетворительным руководством в изучении азербайджанского языка и помещенные в ней статьи изложены неправильно. Отзыв комиссии был объяв-

лен авторам Мирза Шафи Садык оглы и учителю И. И. Григорьеву.

Мирза Шафи не согласился с авторами рецензии. Но ему не удалось представить свои возражения и защитить свое произведение.

После смерти Мирза Шафи Григорьев представил авторские возражения на рецензию попечителю Кавказского учебного округа барону А. П. Николаю.

Барон Николай официальным письмом от 4 января 1856 г. за № 8 обратился к генерал-лейтенанту князю Бебутову по поводу этой «Хрестоматии»¹.

«Бывший наместник Кавказский ген.-ад. кн. Воронцов предписанием от 30-го июля 1852 года № 2649, согласно моему представлению, изволил разрешить приступить тогда же к отлитографированию татарской хрестоматии азербайджанского наречия, составленной для руководства в учебных заведениях Кавказского учебного округа учителями Тифлисской гимназии Григорьевым и Мирза Шафи Садыковым, с выдачей Григорьеву на этот предмет взаимообразно из экономического капитала округа 700 руб., с тем, чтобы по отлитографировании книга эта была представлена в Министерство народного просвещения для окончательного одобрения в комитете учебных руководств и, чтобы деньги эти были пополнены следующим по расчету количеством экземпляров по отлитографировании хрестоматии.

Книга эта в полном ее составе предназначалась для употребления в гимназиях Кавказского учебного округа и части ее для уездных училищ сего округа. Отлитографирование же ее первоначально предполагалось исполнить в Тифлисе, но впоследствии, по случаю оказавшегося недостатка для этого средств, Григорьев вынужден был литографировать ее в Тавризе, где и издана до сего времени часть означенной хрестоматии, назначенной для уездных училищ. По получении из Тавриза сего заказа, необходимо было исправить здесь, в типографии, многочисленные вкрапления в нее ошибки. При исправлении

¹ Рапорт попечителя Кавказского учебного округа д. с. советника барона Николая генерал-лейтенанта кн. Бебутову, Акты Кавказской Археологической Комиссии, том XI, 1888, стр. 756—757.

этом г. Григорьев нашел возможным приложить к книге, назначенной для уездных училищ, татарско-русский словарь, первоначально предположенный к изданию отдельной книжкой.

...При этом честь имею доложить, что по неимению в настоящее время подобного рода руководств для изучения татарского языка мною предложено подведомственным мне дирекциям внести книгу для чтения Григорьева в употребление по учебным заведениям Кавказского учебного округа, в которых преподается татарский язык».

Барон Николай в этом же письме ходатайствует о вторичном рассмотрении «Хрестоматии» Мирза Шафи и Григорьева. Ходатайство это только через два года, а именно в 1856 году, было представлено князем А. И. Бяритинским, наместником Кавказа, в Министерство народного просвещения, передавшего его на новое рассмотрение восточного факультета С.-Петербургского университета. Два члена факультета по кафедрам турецких языков (Мирза Кязум-бек, Л. З. Будаков) составили новый отзыв о «Хрестоматии», отметив, что «текст этого учебника со словарем никак не может служить удовлетворительным пособием к изучению азербайджанского наречия».

Без сомнения, в этом отзыве, немалую роль сыграло само содержание и установка хрестоматии. Тем не менее, как можно судить по рапорту барона Николая, эта хрестоматия служила почти единственным учебным пособием в азербайджанских школах.

Мирза Шафи умер 16 ноября 1852 года. Но смерть этого замечательного поэта и крупного просветителя прошла совершенно незамеченной в официальных кругах. Он умер одиноким, забытым всеми, неизвестным, дважды обкраденным: его песни и «Хрестоматию» официальные круги старой России признали чужими.

Но песни его, песни передового азербайджанского поэта XIX века, остались жить в народе, в рукописях, в записях и в переводах на европейские языки, завоевав мировую славу.

Мирза Шафи — один из первых азербайджанских поэтов-просветителей, предвестник демократической дея-

тельности М. Ф. Ахундова. Восхищение Мирза Шафи стихами великого Гете, его переводы из русских писателей явно говорят о глубоко прогрессивных чертах его поэтической природы, о его идейной направленности. Правда, это меньше всего отразилось на его творчестве, но это и понятно: Мирза Шафи слишком самобытный, оригинальный, достаточно весомый поэт, чтобы так быстро поддаваться увлечению и стать в позу подражателя. С нас достаточно и того, что стихи Гейне волновали, приводили в восхищение Мирза Шафи, в силу экономической и политической отсталости Азербайджана, тогдашних низких культурных условий еще не смогшего окончательно отделить себя, свое мировоззрение, творчество от отрицательных сторон литературного наследия феодальной классической поэзии.

Трезвость его практических суждений, реализм, живая привязанность к земле в противоположность тогдашним поэтам из литературных кружков 60-х годов: «Бейти Хамушан» (Дом самоуглубления) и «Бейти-Сафа» (Дом увеселения) и т. д., чьи образы нередко витали в поднебесье и потустороннем мире, своеобразный «хаймизм», реалистическое мироощущение, любовь к культурным достижениям человечества, невзирая на национальность, просветительская деятельность — эти особенности Мирза Шафи высоко поднимают значение литературного наследия поэта.

Нельзя не подчеркнуть особо, что в идейном развитии Мирза Шафи в 40-е годы определенную роль сыграла и русская культура. По различным путям шли эти литературные и идейные влияния: Ахундов, Боденштедт, великий армянский просветитель Х. Абовян, Бакиханов, учительская среда в Тифлисской гимназии. Среди всех особенно ярко выделяется фигура М. Ф. Ахундова, оказавшего несомненно большое влияние на идейное воспитание Мирза Шафи, того самого Мирза Шафи, который сам в 30-е годы, когда Ахундов только вступал в сознательную жизнь, радикально изменил направление его жизни, открыв ему глаза и показав блестящее и яркое солнце русской и мировой культуры, величие которой инстинктивно угадал поэт Мирза Шафи. Когда-то Мирза Шафи писал об Ахундове:

Feth—Ali

Feth—Ali war ein Wunderknabe,
Begabt mit mancher sel'tnen Gabe,
So reif und fertig schon als Kind,
Wie andere kaum im Alter sind

Nie macht' er einen dummen Streich,
Blieb altklug erst sich immer gleich,
Und da so früh sein Geist sich löste,
Erhoffte man von ihm das Gröszte.¹

Эти слова имел право сказать о своем ученике только Мирза Шафи, еще в тридцатые годы знавший юного Мирза Фатали Ахундова.

Советская наука и советская страна вернули азербайджанскому народу еще одного замечательного поэта в родную творческую среду.

Деятельность Бакиханова, Куткашинского и Мирза Шафи подготовила появление великого писателя-просветителя и реформатора Мирза Фатали Ахундова. Но это — особая глава истории азербайджанской литературы.

КЛЮЧИ МУДРОСТИ

Хрестоматия Мирза Шафи занимает особое место в его литературном наследии. Она явилась одним из первых учебных пособий, предназначенных для школ нового типа, принципиально отличных по своему характеру от существующих старых духовных школ, распространённых в феодально-патриархальном Азербайджане. В книге нашли свое определенное выражение общие просветительские тенденции поэта, его новое положительное отношение к знаниям, стремление сделать свой труд полезным для всего народа. Книга отражала естественное стремление к новым положительным взглядам на жизнь, передовые взгляды поэта, его мудрость, его широкие познания, его

¹ Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's, Berlin, 1876, стр. 141. Перевод: «Фет-Али был чудо-ребенком, обладающим многими редкими дарами. Он был таким зрелым и возмужалым с детства, какими другие бывают только в зрелом возрасте. Никогда он не допускал глупой выходки, всегда был мудр и серьезен. И так как дух его рано получил свободу, то от него ожидали самое великое...»

просветительский пафос, чуждый и враждебный господствовавшим религиозно-клерикальным идеалам.

Уже само название книги, ее язык, содержание отражали благотворное влияние эпохи, положительное отношение к народному творчеству, народным поговоркам и притчам, передовые, патриотические идеи и чувства поэта. «Китаби-тюрки» — «Люркская книга» — так называется новая хрестоматия Мирза Шафи. Она преследовала главную, весьма важную цель — помочь азербайджанскому школьнику изучить и полюбить родной язык и научиться навыкам перевода на русский язык. Для этой цели к хрестоматии был приложен азербайджанско-русский словарь, который должен был помочь укреплению сложившихся культурных связей с местными властями и в особенности с представителями русского народа.

В предисловии книги, написанной на русском языке с автором Мирза Шафи (И. Григорьевым), говорится о задачах и содержании изданного учебного пособия. «Предлагаемая книга, — пишет И. Григорьев, — есть извлечение из составленной мною, вместе с товарищем моим Мирза Шафи Садыковым, Пространной хрестоматии татарского азербайджанского наречия и предназначена для уездных училищ и низших классов гимназии Кавказского учебного округа. Она состоит из двух частей. Первая содержит в себе статьи для чтения и перевода, расположенные в следующем порядке: вначале нравоучительные изречения с подстрочным русским переводом частью оригинальные, частью же переведенные с арабского; далее анекдоты, а потом нравоучительные повести, заимствованные из Анвари Зогейли. Вторую часть составляет татарско-русский словарь к тексту, расположенный по алфавиту».

Обращают на себя внимание основные педагогические принципы, положенные в основу этой ценной работы: учет возраста учащихся, занимательность («с тою целью, чтобы ученик охотнее и легче мог заучивать текст на память»), простота и ясность изложения («старались, по возможности, избегать восточной витиеватости»), выразительность литературного языка («служить украшением языка разговорного»), постепенность изучаемого мате-

خواجده فریاد ایلدی که ای استاد باشی کند گیدی
ساکت اول باشی کلسن انتم، بر کو بر قر انان کورد
سئل د و لید و ب یول ایله اند بر اراغ لیددی
بریس اول گایدی که ای کورد ساک کورد و کورد
چراغ ناله زمند دیدی که تاسنگ که کورد و لیم
کوزون و سیند ز سوله بر جاشیدن صور شد اکر
بوسوز و غور دیمی دیر لپاشی میری ایل کورد
ایفا قانگ باندک بر خور و ساعلم شده دیدی بو
محض لاند اکر و غور اولیدی من بوا کی خرمی
دعدت کوردقم، بر او غری بر لینگ انا رین او

риала («в распределении статей соблюдена постепенность перехода от легчайшего к труднейшему»), унификация правописания («столь шаткого между мусульманами Закавказского края») и т. д. Все это говорит о серьезных педагогических и просветительских намерениях авторов, об их желании создать учебник, отвечающий современным научным требованиям.

Изданная книга значительно отличается от предполагаемой программы и подготовленного материала. Первую часть Хрестоматии составляют «Мудрые изречения и наставления», написанные, по всей вероятности, только автором «Песен Мирза Шафи». Участие И. Григорьева выразилось только в содействии переводу этих изречений на русский язык. Затем следуют небольшие юмористические рассказы, а также нравоучительные рассказы «Царь и обезьяна», «Старуха и кот». В конце книги приложен азербайджанско-русский словарь на 48 страницах.

В книге встречаются некоторые религиозные мотивы, несвойственные мировоззрению Мирза Шафи. По-видимому, они были вызваны намерением скрыть основное просветительское направление работы. Не случайно, что именно с этих религиозных мыслей и начинается вся книга (например, «Начало премудрости есть страх божий»). Но основное место в нравоучительных мыслях, почерпнутых из народной литературы, занимает народная мудрость, народные поговорки, которые любил и собирал в течение многих лет жизни поэт и просветитель Мирза Шафи. Приведем некоторые изречения из книги, названной поэтом «Китаби-тюрки» — «Тюркская книга»: «умный враг лучше глупого друга», «ужаленный змеей боится нитки», «спящий о бодрствующем не знает», «смерть лошади есть праздник для собаки», «железо режется только железом», «благоденствие с благодарностью одинаковы», «два меча в одни ножи не вкладываются», «подарок бедняка есть лучший из подарков», «человеку труднее всего познать самого себя», «живая собака лучше мертвого льва», «сегодняшнего дела не откладывая на завтра», «невоспитанный человек подобен бездлавному телу», «юноша без раскаяния подобен дому без крыши», «бедный без терпения подобен лампе без масла», «один

день ученого лучше всей жизни невежды», «не смотри на говорящего, а гляди на сказанное», «тиран мертв, хотя и живёт», «начало гнева есть безумие, а конец его — раскаяние», «в поспешности есть раскаяние, а в терпении — спокойствие», «мир сладок для невежды и горек для умного», «у кого много опытности, у того и ума много», «у кого страх побеждает ум, тот погибает», «кто сядит терновник, у того виноград не вырастет», «невежда враг себе, как же он будет другом иному», «худший из людей есть тот ученый, который не употребляет в дело свои познания», «бедность лучше незаконно приобретенного богатства», «всякий часто вспоминает то, что он любит», «худшее в городах есть то место, где нет справедливого человека», «перо есть дерево, которого плод слово, а мысль море, коего жемчужина — мудрость», «слабейший из людей есть тот, кто не хранит людскую тайну, и силен тот, кто побеждает свой гнев», «три вещи узнаются только в трех случаях: храбрость — в битве, мудрость — во время гнева, и друг — при нужде», «неприлично ученому жить в том городе, где нет пяти вещей: правосудного государя, справедливого судьи, искусного лекаря, текучей воды и безопасного базара» и др.

Афоризмы Мирза Шафи полны глубокого смысла. В основном они призывают человека к добру, полезному труду, справедливости, смелости, знанию, самообладанию, мудрости, правде, честности, прямоте. В этом видит Мирза Шафи ключи мудрости человеческой жизни. Эти мысли и наставления помогают нам лучше осознать передовое мировоззрение поэта, его реальный, человеческий образ, так несправедливо и с эгоистическим умыслом искаженный его переводчиком Фридрихом Боденштедтом и немецким буржуазным литературоведением.

Но историческую правду нельзя убить и уничтожить. Ее можно заглушить на время, покрыть пеплом незаслуженного забвения, но рано или поздно приходит пора, когда человечество восстанавливает справедливость. В настоящее время правда о Мирза Шафи должна быть полностью восстановлена. Это окажется возможным и окончательным, когда будут найдены и опубликованы оригиналы всех произведений Мирза Шафи, увезенных Боденштедтом в Германию. Сейчас факт плагиата уста-

новлен, благодаря полезным трудам азербайджанских литературоведов (в особенности Салмана Мумтаза и А. А. Сеидзаде), но это еще далеко не все: должно быть полностью восстановлено литературное наследие Мирза Шафи, должны быть опубликованы все его оригинальные произведения. До тех пор, пока это не будет обеспечено, вопрос о Мирза Шафи и Боденштедте в какой-то мере все еще остается открытым.

ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ ПОЭЗИЯ

Сохранившиеся и опубликованные Салманом Мумтазом оригинальные стихи поэта уже одним своим существованием опровергают ложь и клевету, воздвигнутую против Мирза Шафи реакционной буржуазной наукой. По своим идейным устремлениям и настроениям, по форме, образам, мотивам они полностью совпадают с идейно-художественным содержанием большинства стихов, переведенных на немецкий язык Фр. Боденштедтом. Реалистическое ощущение мира, восхищение красотой и поэзией, умение тонко передавать любовные радости человека, воспринимаемый им как светлый и поэтический мир, глубокий лиризм, богатство красок природы, сила человеческих чувств, противопоставленных аскетическим взглядам на жизнь, — весьма характерны для творчества Мирза Шафи:

Высокая ростом, стройная телом, ты идешь перед взором моим.

Сердце мое и слезы мои — о чем мы с вами скорбим?
Не запрещаешь мне впасть, о шейх, прелесть ее лица.
Откуда ты знаешь, что может пройти перед вещим взором певца?

О ты, проходящая предо мной, уничтожаешь меня,
Как солнце, встающее над луной в ярких лучах огня.
Если тело твоё красоту свою так ревнисто бережет,
Когда же короткая моя рука тебя, трепещуща, обвоет?
Потому-то и сладок голос Вазеха в песнях его и стихах,
Что язык певца о тебе говорит, о рубиновых, сладких устах.

(Перевод В. Луговского.)

Или:

Сколько на небе устойчивых звезд и бегущих светил
золотых,
Столько в груди моей колотых ран от женских причуд твоих!

Ты не звезда, не одна из тех, что на небе огнем зажжены:
Но глаза мои, пьяные как вино, на тебя лишь устремлены!

(Перевод В. Луговского.)

Красоту человеческого бытия, его духовный мир, цветение чувств, любовь к жизни красочно, зримо, взволнованно, глубоко поэтически передает Мирза Шафи. Любовно не знает никаких национальных преград, никаких религиозных различий. Зулейха, Гафиза или Сусанн-армянка — их любит поэт, и ничто религиозное, никакие запреты моллы не могут заставить его отказаться от восхищения земной красотой дочери гяура:

По ниве нежности не раз прошла ты, Сусани,
Султаншею в стране чудес была ты, Сусани.
Я жертва глаз твоих; меня сожгла ты, Сусани.
Своим кипком меня убить могла ты, Сусани.
При виде стана твоего согнулись тополя,
Узнают все — меня с ума свела ты, Сусани.
При виде стана твоего согнулись тополя,
При виде локонов легли пшеничные поля,
Ты опьяняла красный мак, его испепеля.
О сердце пьяное, чего ты инешь здесь, моля?
Причиной крови уж не раз была ты, Сусани.

Ты ангел, а твоё лицо — иль солнце, иль луна.
Я пьян тобой — ведь чарка мне теперь запрещена.
Без покрывала покажись, света, тонка, стройна!
Как прядь волос на лбу твоём прекрасна и нежна!
Влюбленному большой соблазн дала ты, Сусани.

Осанке, стану твоему подстать один атлас.
Ты можешь мне назначить казнь одним движеньем глаз.
По слову твоему Христос еще воскреснет раз,
А в том, кто на тебя взглянул, свет разума погас.
Все мысли разом у него смела ты, Сусани.

Восходит солнце каждый день, поклон тебе дарит,
Ты по утрам выходишь в сад — и тополь весь дрожит,
Бутон, увидев ротик твой, от зависти горит.
Люблю тебя, гяура дочь, тот прав, кто говорит,
Что от алаха прочь меня взяла ты, Сусани.

Следует отметить, что В. Луговской высоко поэтически передает своим чеканным русским стихом эмоциональный характер стихов Мирза Шафи. Луговской чувствуется колорит азербайджанской поэзии, обаяние ее метафор и сравнений, ее форму, законы стихосложения, ритмику, рифму, рефрен. Из русских поэтов-переводчиков, в той или иной мере соприкасавшихся с азербайджанской поэзией, только В. Луговской, П. Антокольский, К. Симонов и А. Адалис сумели войти в поэтическую душу азербайджанского народа. Их переводы звучат с большой впечатляющей силой, их читаешь по-русски — и в голову не приходит, что это только перевод. И кажется, что только так мог бы написать свои стихи Вагиф, Видади, Низами, Физули, Мирза Шафи, если бы они писали по-русски.

Поэзия Мирза Шафи — жизнерадостная в своей основе. Она полна жизнелюбия, правдивости, свободного излияния чувств и идей нового человека, формирующегося в условиях Азербайджана XIX века. Всей своей чувственно-идейной устремленностью, своими лирическими антиклерикальными и социальными мотивами она направлена против всего злого, несправедливого, лживого, нереального, фанатического, лицемерного, ханжеского, реакционного, что характеризовало идеологию господствующих феодальных кругов этой эпохи.

Творчество Мирза Шафи — один из ярких и светлых периодов становящегося азербайджанского художественного реализма. Оно отвергло небеса и приблизило человека к земной жизни, к земным радостям и печалям, к земным интересам. Истоки его поэзии — народная жизнь во всей своей суровой правде. Она развивала лучшие традиции азербайджанского классического стиха, была органически связана с национальными истоками азербайджанской жизни. Мирза Шафи явился одним из выдающихся предшественников М. Ф. Ахундова в реалистической литературе. Великий Ахундов продолжил и развивал лучшие традиции своих предшественников и старших современников, которые оказали ему великую услугу в борьбе против феодально-клерикального мира, в борьбе против идеалистических и мистических тен-

денций в литературе, в торжестве реалистического искусства.

Все это привлекает внимание к еще мало изученному и неполностью опубликованному творчеству Мирза Шафи, замечательное литературное наследие которого так бурно и шумно прошло по всей мировой литературе XIX — XX веков. Имя поэта, стихи которого звучат почти на всех европейских языках, не может быть забыто. Его светлые и гуманистические песни еще долго будут жить в памяти народов. Недаром так восхищался Лев Толстой поэзией Мирза Шафи, с которой он познакомился в немецких переводах.

Судьба литературного наследия Мирза Шафи еще полностью не определена. Это обязывает нас к бережному отношению к его поэзии, к поискам его едва ли пропавших произведений, к глубокому изучению его сверкающей, жизнерадостной, прекрасной лирики, его несколько противоречивого, но в целом прогрессивного гуманистического мировоззрения. Мирза Шафи должен занять заслуженное им видное место в мировой поэзии. Он покрыл свое имя мировой славой. Это заслуженная слава. И азербайджанский народ гордится его именем.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. На азербайджанском языке

Салман Мумтаз. Мирза Шафи Вазех. Из серии „Азербайджанская литература“, издание газеты „Коммунист“, Баку, 1926.
Сейдаде А. А. Мирза Шафи Вазех, „Ингилаб ве меденет“ № 9, 1929.

М. Рафили. Мирза Шафи Вазех и Фридрих Боденштедт. „Адабият газети“, 15 января, 6 февраля, 10 апреля 1938 года.

М. Рафили. Успех Мирза Шафи в европейских странах. „Адабият газети“ № 54, 1938.

М. Рафили. Превращение азербайджанца Мирза Шафи в немца Боденштедта, „Адабият газети“ № 57, 1938.

2. На русском языке

Стихотворения М. Л. Михайлова. Подражание восточному. Берлин, 1862 (напечатан перевод двух стихотворений Мирза Шафи).

Очерки и стихотворения Василия Маркова. Песни Мирза Шафи Ф. Боденштедта, СПб, 1878.

С. В., Песни Мирза Шафи. „Русский вестник“, 1880, к. 150, стр. 395—398.

Песни Мирза Шафи. В переводе П. Якубовича, СПб, 1887 и 1901.

Сборник песен и романсов Мирза Шафи. Москва, 1907 (переводы Эйферта).

Песни Мирза Шафи. Юрьев, 1903.

Стихотворения Надсона С. Я., СПб, 1903.

А. А. Сейдаде (Заки). Мирза Шафи Вазех, Гянджа, 1929.
И. К. Ениколов. Поэт Мирза Шафи, Баку, 1939 (имеется перевод на азерб. яз.).

М. Рафили. Сабухи (сценарий), „Литературный Азербайджан“ № 4, 1941.

„Антология азербайджанской поэзии“, Москва, 1939 (переводы В. Луговского).

А. А. Сейдаде. Мирза Шафи или Боденштедт?, Баку, 1940.

3. На иностранных языках

I

Friedrich Bodenstedt. Tausend und ein Tag im Orient, Berlin, 1850, 1-ое издание.

Die Lieder des Mirza Schaffy mit einem Prolog von Friedrich Bodenstedt, Berlin, 1851, 1-ое издание.

Aus dem Nachlasse Mirza Schaffys. Neues Liederbuch mit Prolog und erläuterndem Nachtrag von Friedrich Bodenstedt, Berlin, 1874, 1-ое издание.

Friedrich Bodenstedt. Gesammelte Schriften, 12 Bände, Berlin, 1865—1869.

II

Adolph Bergé. Mirza Schaffy. „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“, B. 24, 1870.

Friedrich Bodenstedt. Ein Dichterleben in seinen Briefen.

Heinrich Brugsch. Reise von königlich preussischen Gesandtschaft nach Persien, 1860 und 1861, Bände 1, und 2, Leipzig, 1862/1863.

Die deutsche Nationalliteratur der Neuzeit, in einer Reihe von Vorlesungen dargestellt von Karl Barthel. Sechste Auflage, Brann-Schweig, 1862.

Ludwig Fraenkel. Friedrich Bodenstedt. „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 47.

Paul Horn. Was verdanken wir Persien? „Nord und Süd“, Sept. 1900.

Paul Horn. Geschichte der persischen Literatur. „Die Literaturen des Ostens in Einzeldarstellungen“, Bd. VI, 1, Leipzig, 1901.

H. Jolowicz. Der poetische Orient, Leipzig, 1853.

Robert Koenig. Zur Erinnerung an den Sänger des Mirza Schaffy, „Daheim“, Jg 1892.

Ernst Ziel. Literarische Reliefs, IV, Leipzig, 1895.

W. Kreiten. Die Lieder des Mirza Schaffy, in die Stimmen aus Maria Laach, 45 Bd.

Friedrich Kirchner. Die deutsche Nationalliteratur des 19. Jahrhunderts.

A. Müller. Der Islam im Morgen- und Abendland, Bd. II, Berlin, 1887.

Friedrich Rosen. Persien in Wort und Bild, Berlin.

Kurt Sundermeyer. Friedrich Bodenstedt und die „Lieder des Mirza-Schaffy“, Kiel, 1930.

Ludwig Salomon. Geschichte der deutschen Nationalliteratur des 19. Jahrhunderts, 2. Auflage, Stuttgart, 1886—87.

1148

2 руб. 55 коп.